

Павел Кувшинов

Я

ИГРОК

16+

Павел Сергеевич Кувшинов

Я – Игрок

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=36056369

SelfPub; 2018

ISBN 978-5-5321-1944-4

Аннотация

Когда-то в мире существовала магия, а правили им всемогущие боги. Но однажды они покинули этот мир. Спустя столетия его унаследовали люди. Магия стала для них Игрёй, награда за победу в которой была их собственная жизнь. Отныне по ночам на охоту выходят кровожадные твари, а единственные защитники простого люда – Игроки с колдовскими картами в руках, могут принести больше вреда, чем пользы. И в эту эпоху люди всё чаще обращаются к древним легендам. Одна из них гласит, что однажды родится Великий Игрок, способный раз и навсегда изменить мир. Меня зовут Саймон Трант, и это моя история.

Содержание

Часть первая. Сомнения и решения	4
Глава 1	5
Глава 2	26
Глава 3	35
Глава 4	46
Глава 5	56
Глава 6	68
Глава 7	84
Глава 8	94
Глава 9	114
Глава 10	128
Конец ознакомительного фрагмента.	130

Часть первая.

Сомнения и решения

«Игра – это бездонная пропасть» (Антуан Тома).

Глава 1

Солнце заканчивает своё дневное путешествие. Нижний край огненного диска касается линии горизонта, с каждой минутой в осязаемом пространстве остаётся всё меньше света. Небо же плотнее затягивают грозные свинцовые тучи.

Близится дождь. Достаточно одного взгляда вверх, чтобы понять: сегодня нельзя будет увидеть ни единой звезды.

А жаль. Мне очень нравится смотреть на россыпь серебряных огоньков, покрывающих тёмное полотно ночного неба. Завораживающая звёздная панорама помогает мне отвлечься от повседневной суеты, позволяя привести свои хаотичные мысли в порядок.

Я опускаю взгляд и перевожу его на дверь прямо передо мной. Простая, деревянная, но добротна сработанная. Вместо ручки имеется большое металлическое кольцо, а под ним – железная пластинка, набитая на дерево. Такая нехитрая конструкция позволяет постучать металлом о металл, сообщая хозяевам о своём присутствии.

Протянув руку, берусь за кольцо. Крепко обхватываю его своими пальцами и немного приподнимаю. Металл холодит кожу.

Я застываю на месте, так и не опустив руку. Впиваюсь в дверь пристальным взглядом, пытаюсь пересилить себя и наконец постучать. Но вместо этого лишь продолжаю медлить.

Дверь эта ведёт в небольшой постоялый двор, один из многих, что ютятся вдоль торговых трактов. В таких вот небольших заведениях обычно сдаются не больше трёх-четырёх комнат, но и это дает владельцам неплохой заработок. Ведь каждый день и ночь по дорогам проезжают десятки гружёных повозок, проходят сотни людей, и многие из них, будь то купцы, бродячие менестрели или просто путешественники, не прочь переночевать на чистой постели.

Я же здесь не для отдыха. За этой дверью неизвестность, и мне придётся встретиться с ней лицом к лицу.

Этого мгновения я ждал многие годы, но все ещё продолжаю страшиться того, что может произойти. Ведь стоит мне открыть дверь и пересечь порог этого маленького постоялого двора, и назад пути уже не будет.

«Не обманывай себя, – прикусываю я губу, задумавшись. – Все пути отступления были отсечены ещё в тот день, когда тебя забрали из семьи».

Так и есть. Уже тогда у меня не было выбора, как нет его, впрочем, и сейчас. Ведь за этой дверью меня ждёт моя первая Игра вне стен Академии.

Меня зовут Саймон Трант, и я профессиональный Игрок. Что это значит, спросите вы? На этот вопрос не так-то легко ответить. Хотя некоторые мои коллеги без тени сомнения скажут, что мы те, кто отделяет жизнь от смерти. Избранные, в чьих силах провести грань между добром и злом, светом и тьмой, хаосом и порядком. Они будут утверждать, что

мы обладаем силой и определённой властью, что мы единственные, кто может защитить мирных обывателей от кровавых порождений ночи. Те, кто вершит судьбы простых смертных.

Сказав это, мои коллеги будут правы, но лишь отчасти. Я не разделяю их точку зрения, находя подобную позицию напыщенной и высокомерной.

Быть может, дело в моем характере? Не зря ведь все наставники Академии наперебой твердили, что Саймон Трант «слишком добрый». И это, по их словам, плохая черта для Игрока, ведь он должен в любой ситуации сохранять холодный рассудок и быть готовым идти на радикальные меры, если того потребуют обстоятельства. То же самое говорил и мой непосредственный куратор. Но в отличие от остальных, он также добавлял, что доброта может явиться не только моим проклятием, но и ценным даром.

«По крайней мере, я могу быть уверен, что ты никогда не станешь объектом Кровавой Охоты!» – воскликнул он однажды.

Избежать участи живой мишени для группы других Игроков – это уже что-то, верно?

Если говорить о сущности и роли Игроков в настоящем мире, то нельзя не упомянуть те события, что предшествовали их появлению.

Итак, давным-давно, в ту самую эпоху, о которой до наших дней не дошло почти никаких свидетельств, в мире су-

ществовала магия. Она была чем-то удивительным, провидением свыше, если угодно.

Магия давала возможность родиться и жить в нашем мире настоящим чудесам. Некоторые земли населяли целые расы волшебных существ. Те, о ком мы знаем лишь из сказок и легенд, тогда жили на земле наравне с людьми. Эльфы и орки, тролли и феи, великаны и карлики, драконы и элементали, грифоны и единороги, гарпии и кентавры, гномы и многие другие. Даже люди в большинстве своём жили за счёт магии, полагаясь на неё в повседневных делах.

Волшебство находило своё воплощение во множестве форм: в жестах и словах, в перстнях и талисманах, в оберегах и артефактах. И пусть между расами и народами зачастую возникали распри, в мире сохранялось относительное равновесие. На каждого умершего или убитого приходилось столько же новорожденных, сожжённые города отстраивались заново, или же их месте вырастали новые поселения. Мир рушился под натиском войны, но по её окончании вновь наступала эпоха процветания.

И правили этим миром боги. Существа могущественные, из числа тех, что могут осушать моря и наполнять жизнью крошечные бездны подземелий. Всевышние были порой жестоки, но не чуждо им было и сострадание. Смертные выказывали богам своё почтение, а те взамен даровали им свое благословение и покровительство.

Так было, но всё изменилось в один миг.

Никто точно не знает, что именно тогда произошло. Известно лишь одно: в тот день боги покинули мир.

Покинули его навсегда.

И перед тем, как уйти, они уничтожили всю привычную магию. Это повергло мир в пучину боли и страданий. Все народы и живые создания, кто зависел от магии, погибли. Землю унаследовали люди – единственные, кто мог существовать и без волшебства.

Однако же уничтожить основополагающую силу этого мира, сиречь магию, абсолютно и бесповоротно оказалось не по силам даже богам. Или, возможно, всё это было частью их плана; последней и самой злой шуткой.

Как бы то ни было, с того самого дня, как всемогущие сущности покинули мир, магия могла находить своё воплощение только в одной форме: в виде колоды колдовских карт. Кем и при каких условиях были созданы первые карты мне неизвестно. Когда я родился, в мире уже было порядка двух сотен колод. Сейчас же на всём континенте есть всего пару личностей, кто способен изготовить настоящие колдовские карты, и на создание одной только колоды у них уходит несколько лет.

Использовать колдовские карты могут лишь те, у кого с детства проявляется соответствующий дар. Такие люди способны чувствовать заключенную в картах магию и применять колоду по назначению. Определяют их по цвету зрачков – у людей с даром они приобретают золотой оттенок в тот са-

мый день, когда в них пробуждаются будущие способности.

Обычно дар проявляется в детском возрасте, начиная с трёх лет. Как только у ребёнка глаза окрашиваются золотом, его забирают из семьи и увозят в Академию Игр, где он получает свою первую колоду колдовских карт, после чего тамошние наставники начинают его обучение.

Тех, кому посчастливилось закончить Академию Игр, и вернуться в большой мир (некоторые проводят в качестве ученика всю свою жизнь, стареют, а затем умирают в стенах Академии) принято называть Игроками, а само использование магических карт – Игррой. Ирония заключается в том, что в уже упомянутые древние времена карты использовались исключительно для азартных игр.

С появлением в мире колдовских карт, как единственного источника и проводника волшебства, использование магии действительно стало похоже на азартную игру. Ведь каждая Игра, даже если это безобидное заклинание по очищению неба от туч, может обернуться не только смертью самого Игрока, но и погубить всех окружающих, кому в этот момент не посчастливится оказаться рядом с незадачливым обладателем магического дара...

Между тем, я всё ещё стою перед дверью небольшого постоянного двора, так и не решившись постучать. Неожиданно за дверью слышится какое-то движение, и я поспешно отпускаю дверное кольцо, отступая на шаг назад.

Как раз вовремя.

Дверь распахивается, причем так резко, что не отойди я от неё, точно получил бы по лбу. На пороге возникает стройная невысокая женщина; она почти на голову ниже меня. На вид ей чуть больше тридцати лет, и она кажется мне очень симпатичной. Общее впечатление не портят даже растрепавшиеся волосы, глубокие синяки под глазами, и простое серое платье, достающее почти до пят и старательно скрывающее фигуру и грациозный стан дамы. Впрочем, оно явно не справляется со своей задачей.

– О, милорд Игрок! – девушка, отворившая дверь, склоняется в низком поклоне, чем мгновенно приводит меня в замешательство. – Вы все же прибыли! – добавляет она.

– Я не лорд, – неуверенно отвечаю я.

И действительно, какой же из меня лорд? У меня нет ни земель, ни замка или хотя бы поместья, не говоря уже о подданных и слугах.

Я тут же замечаю смущение на лице собеседницы. Хорошо хоть тон сказанного мной не был возмущенным или раздражительным.

– Простите, если я вас обидела, – осторожно произносит молодая женщина, – но в наших землях принято обращаться к любому Игроку не иначе как «милорд». Таков королевский указ.

И, верно, в Академии наставники говорили то же самое.

– Никаких обид, – заверяю я.

– Ох, что же я держу вас на пороге! – моя собеседница

всплескивает руками. – Прошу вас, милорд, входите, – она отступает внутрь помещения, позволяя мне войти.

Я не заставляю просить себя дважды. Захожу внутрь постоянного двора, и моя собеседница закрывает за нами дверь.

Мы оказываемся в небольшом квадратном зале. Здесь чья-то умелая рука успешно совместила гардеробную, или как принято говорить в сельской местности – сени, столовую, и скромную кухоньку, в которой к тому же расположился ещё и стеллаж со спиртным.

Вдоль одной стены стоит ряд железных вешалок на длинных подставках, имеющих множество различных завитушек причудливой формы. Они напоминают канделябры, которых было предостаточно в Академии Игр. Всего вешалок насчитываю пять штук. Сейчас заняты лишь две из них. На одной висит добротное пальто с меховой подкладкой. Не совсем подходящая одежда для ранней осени. На второй – изящный женский кожаный плащ. Эта вещь определённно из числа дешёвых, ведь на одежде видны многочисленные трещины и надломы, совсем не характерные для дорогого качественного материала.

По другую сторону от вешалок располагается небольшая, но оборудованная с любовью, кухня. Здесь ясно чувствуется рука женщины, чему свидетельствует идеальная чистота и порядок.

Рядом со стойкой, почти такой же, как в тавернах, на стене расположен деревянный стеллаж со спиртными напитка-

ми. В специальных выемках покоятся стеклянные бутылки и глиняные кувшины. Внутри прозрачного стекла виднеются разноцветные жидкости, которыми заполнены бутылки. Жёлтые, красные, розовые и даже чёрные. Общее количество спиртного не так велико, как в питейных заведениях, но богатый выбор всё-таки поражает. Хотя должен признать, что для меня это не играет большой роли. Я не ярый противник горячительных напитков, совсем нет. Но познания мои в этой области так скудны, что я едва смогу отличить вино от пива.

В центре комнаты находится маленькая столовая. Всего три небольших круглых столика и по два высоких табурета рядом с ними. На каждом из них стоит небольшой кувшин, в который воткнут скромный букетик из нескольких цветов. И тут моих знаний не достаточно, чтобы определить, что это за цветы. У них белые лепестки, плоские и острые, как наконечник стрелы, а сердцевина пушистая насыщенного жёлтого цвета.

Выглядит неплохо!

В комнате имеются две двери. Одна слева, рядом с вешалками. «За ней находятся комнаты для гостей», – понимаю я. Вторая расположена возле кухни и ведёт, судя по всему, в личные помещения владельцев заведения.

– Пройдемте к хозяину двора? – предлагаю я.

– Хозяйка я, – скромно отвечает молодая женщина. – Болен мой муж.

– Тогда пройдемте к вашему мужу, – поправляюсь я.

Моя собеседница кивает и направляется к той двери, что находится справа от нас. Я следую за ней.

Отворив дверь, она ведет меня по широкому коридору. Проход слабо освещён всего несколькими зажжёнными свечами, вдетыми в металлические кольца. Мы минуем несколько дверей и заходим в последнюю. Переступив порог, я замираю на месте, чтобы осмотреться.

В небольшой комнатке царит тёплый домашний уют. Здесь есть всё необходимое для быта, расставленное по своим местам, и при этом в каждой вещи чувствуется теплота человека, отвечающего за благосостояние этого помещения. Например, изумительная ручная вышивка на ковре, которым застелен пол, или небольшие ленточки ткани и кусочки сухофруктов, ставшие изящным украшением для простой книжной полки.

Впрочем, впечатление от обстановки портит плохое освещение. Несмотря на то, что остатки дневного света ещё могут проникать в комнату, окно завешено тёмными занавесками, поверх которых женщина повесила ещё и лоскут чёрной материи. Единственный источник света в комнате – это четыре короткие свечи в глубоких плошках, расставленные по углам комнаты.

Но это не идёт в сравнение с видом умирающего человека. Мужчина лежит на кровати, а его тело по шею скрывают несколько одеял.

– Лекарь сказал, что мужу вреден яркий свет, – поясняет жена больного, проследив за моим взглядом. – Надеюсь, вам это не помешает, милорд?

– Для успешной Игры свет не нужен, – тихо отвечаю я, присаживаясь на край постели.

Человек выглядит просто ужасно. Большую часть лица покрывают красные воспалённые наросты. Мужчина дышит тяжело и прерывисто, губы шевелятся, словно тот без умолка что-то шепчет, не издавая при этом ни звука. Я приподнимаю его правое веко и вижу, что глазное яблоко вместо белого стало розовым, а зрачок глубоко закатился.

– Какой диагноз поставил лекарь? – спрашиваю я.

– Красная лихорадка, – говорит женщина и закусывает нижнюю губу.

По её щеке скатывается слеза, которую я лишь чудом замечаю в полутёмной комнате. Похоже, она ещё может напустить на себя беззаботный вид за пределами этих стен, чтобы не обременять гостей и постояльцев своим горем, но здесь, в шаге от умирающего супруга, она едва сдерживает свои эмоции.

– Мне нужен нож, – говорю как можно мягче.

Не хватало еще перепугать её.

Девушка выходит из комнаты, но уже через минуту возвращается, протягивая мне нож для резки овощей. Следом за ней в комнату входит низенький старец. Он настолько худощав, что передо мной невольно возникает отвратитель-

ная картина: некий неизвестный мучитель вонзает в старика большую иглу, с помощью которой высасывает из него всю плоть и внутренности, оставляя жертве лишь бескровное полотно тонкой кожи, неуверенно обтягивающей хрупкий скелет.

На мужчине надеты лишь шерстяные штаны и такие же тапки без задников. Благодаря обнажённому худощавому торсу, на котором можно без труда пересчитать все рёбра, лысому черепу и полутёмной комнате, вошедшего человека лёгко можно принять за ожившего мертвеца.

Старик входит в комнату, не обращая на меня никакого внимания. Проходит мимо, шаркая тапками (он даже не пытается поднимать ноги при ходьбе), и встаёт рядом с женщиной, которая вполне может приходиться ему дочкой или даже внучкой. После этого мужчина принимается заботливо гладить её по локтю.

И это действует! Хозяйка постоянного двора, до этого принявшаяся судорожно сплести и расплести пальцы, немного успокаивается, и вскоре оставляет это бесполезное занятие.

Тем временем я откидываю одеяло. Приподняв руку больного, делаю ножом аккуратный надрез на его ладони. Из раны выступает немного густой крови, которая тут же запекается, как при ожоге. Я возвращаю нож хозяйке постоянного двора и вновь накрываю её мужа одеялом.

Конечно, я могу приступить к Игре и без подобной прелюдии. Но наставники Академии твердили, что прежде, чем

приступать к лечению, необходимо точно определить диагноз пациента.

В свою первую Игру я хочу сделать всё правильно.

– Каков был прогноз лекаря? – спрашиваю я, повернувшись к женщине.

Я задаю этот вопрос, даже несмотря на то, что сам знаю ответ.

– Лекарь сказал... – девушка сглатывает комок, застрявший в горле. Заметив это, старик вновь начинает гладить её по руке. – Он сказал, что мой муж умрёт до утра.

– Так и есть, – киваю я. – У вашего мужа начала густеть кровь, и она плавиться, соприкасаясь с воздухом. Боюсь, ему осталось жить всего нескольких часов.

– Но шанс ведь есть, правда? Прошу вас, милорд, скажите, что его ещё можно спасти! – женщина смотрит на меня умоляюще.

– Шанс есть всегда, – философски изрекаю я, и тут же понимаю, что сказал что-то не то.

Мне бы стоило утешить её, приободрить, а вместо этого я разговариваю, точь-в-точь как мои учителя в Академии.

Я растёгиваю кожаный плащ и достаю из внутреннего кармана свою колоду колдовских карт. При этом краем глаза замечаю, как меняется лицо женщины при их виде, приобретая озабоченный вид. До этого практически гладкий лоб прорезают две горизонтальные морщины.

– Вы впервые видите колдовские карты, верно? – спраши-

ваю я.

Женщина кивает, не сводя с них глаз.

– Я бы с радостью поменялся с вами местами, – изрекаю я ровным голосом, и едва не прикусываю себе язык.

Да что же я такое говорю?! И главное, зачем?

Я замечаю, что и без того озабоченная судьбой своего мужа девушка теперь ещё и явно сбита с толку. И всё из-за меня – человека, который пришёл помочь, а вместо этого сидит у кровати умирающего бедолаги и ведёт пустые речи.

– Что вы имеете в виду? – неуверенно спрашивает хозяйка постоялого двора.

– Забудьте, – отмахиваюсь я. – Запомните: что бы ни происходило во время Игры, ведите себя тихо и не вмешивайтесь. И тогда ваш муж уже завтра встанет на ноги, – сказав это, я позволяю себе лёгкую ободряющую улыбку.

Так же, как и в случае с манипуляциями старца в виде простого поглаживания, это даёт мгновенный результат. Черты лица девушки смягчаются, исчезают морщины – признак озабоченности. Хозяйка заведения отвечает на мои слова робкой, и как мне кажется, благодарной улыбкой, после чего затихает точно мышка.

Теперь ничего не мешает мне заняться своим делом.

«Молодец!» – хвалю я мысленно себя. Так бы сразу! Осталось лишь выполнить данное обещание.

Я вытягиваю перед собой левую руку, в раскрытой ладони лежит колода из тридцати двух карт. Провожу зажатым ку-

лаком правой руки над картами, и те немного вздрагивают. Затем, отвожу пустую руку назад, приподнимая её при этом вверх. Когда рука оказывается на необходимой высоте, раскрываю кулак, и колода мгновенно оживает, взмывая вверх. Она повисает в воздухе на уровне моих глаз, карты повернуты ко мне рубашкой.

Можно приступить непосредственно к Игре.

Я делаю едва заметное движение правой ладонью (левая по-прежнему находится под парящей колодой), и карты начинают перетасовываться. Затем, я касаюсь двумя пальцами (указательным и средним) колоды. Из неё вылетает пара карт. Они зависают прямо передо мной, обращенные ко мне рубашкой, а колода перемещается чуть в сторону.

Итак, передо мной две карты. Одна из них – это нужное мне заклинание, которое полностью исцелит больного мужчину. Вторая же карта неизвестна, но, скорее всего, это прямо противоположное по назначению заклинание, призванное либо убить пациента, либо погубить меня самого.

В этом и заключается сложность и опасность каждой Игры. Когда ты оживляешь колоду лицевую сторону карт, а вместе с ней и их значение, ты видеть не можешь. Игрок способен лишь чувствовать карты и выбирать нужную ему, полагаясь на эти ощущения и собственную интуицию.

Вторая сложность заключается в том, что вместе с желаемой картой ты достаёшь и несколько побочных. Причём магия колоды устроена таким образом, что среди побочных

всегда оказываются заклинания, которые при использовании окажут негативное действие на текущую ситуацию. Кроме того, многие колдовские карты при использовании призваны искалечить самого Игрока, а то и вовсе его убить. И такие заклинания тоже нередко оказываются в числе побочных.

Кроме сказанного существует ещё один нюанс. Это количество побочных карт. Каждый Игрок способен вытаскивать разное количество лишних заклинаний вместе с необходимым. Чем меньше их окажется, тем выше твои шансы на удачный исход Игры. Как правило, всё зависит от мастерства самого Игрока, от того, как хорошо он чувствует свою колоду.

Вот почему ученик Академии выпускается из неё лишь после того, как сумеет успешно завершить все выпускные Игры, достав при этом не более четырёх карт из колоды за раз. Немало тех, кто заканчивал свои дни в Академии, так и не сумев справиться с этой задачей. Стоит ли говорить, что большинство из них прожили на этом свете недолго, ведь Игры с таким количеством побочных карт чаще всего заканчиваются смертью обладателя колоды.

Будучи скромным человеком, я не люблю хвастаться, но при этом не могу не упомянуть, что окончил Академию Игр с отличием, вытащив на всех выпускных Играх по одной побочной карте.

И вот недавний выпускник Академии Игр, заслуживший похвалы своих наставников, начал свою первую Игру. Перед

ним всего две карты, но он всё равно колеблется.

Это про меня.

В Академии нас учили отрешаться от реальности. Во время Игры должны существовать лишь ты, твоя цель, да твоя колода карт. Это хорошо в теории, или в стенах Академии, но вот на деле всё обстоит несколько иначе.

Я вижу свои карты, вижу мужчину, умирающего в своей постели от красной лихорадки, его жену, и застывший на её лице ужас. Я вижу также исхудалого старика, который продолжает успокаивать женщину. Он старается выглядеть спокойным, но его глаза широко раскрыты; старик, как и девушка, пристально глядят на колдовские карты. Уж не видом ли побочной карты вызвано их беспокойство?

Нет, конечно же, нет. Ведь только Игроки могут видеть истинное изображение на лицевой стороне карт, для простых же людей они пусты – лишь прямоугольник белой бумаги.

Я чувствую, как вниз по спине бежит капля пота, и, решив более не медлить, касаюсь одной из карт.

Той, что справа.

Она поворачивается ко мне лицевой стороной, и из моих лёгких вырывается облегчённый вздох. На ней изображена милостивая девушка, одетая сплошь в белое. В её руках резная чаша, да краёв наполненная сверкающей жидкостью, которую она выливает на раны лежащего подле её ног воина. Благодаря чему страшные повреждения исчезают как по волшебству.

Карта «Полное исцеление».

Она испускает зеленоватое свечение, которое принимает форму капли, и, сорвавшись с карты, устремляется к больному мужчине, обволакивая его призрачным одеялом. Несколько секунд ничего не происходит, но вскоре свечение пропадает, и прямо на глазах жуткого вида наросты один за другим сходят с лица больного. Его кожа разглаживается, приобретая нормальный здоровый оттенок.

Всхлипнув от радости, хозяйка постоянного двора бросается к мужу, покрывая его поцелуями. Мужчина очнётся только утром, но теперь его жизни ничто не угрожает.

Я делаю движение рукой, словно подзывая карты к себе, и они возвращаются обратно в колоду, ложась поверх остальных. Первой на колоду ложится заклинание «Полного исцеления», затем побочная карта. После этого колода опускается на мою левую ладонь.

Игра окончена.

Я чувствую, что у меня затекли ноги, и потому прохожу через комнату и сажусь на вторую кровать. Медленно переворачиваю верхнюю карту и, холодея, вижу на ней изображение распятого мужчины. Древнее как мир орудие пыток, призванное вытягивать запястье и лодыжки жертв, сделало своё дело. Стопы и кисти остались в ремнях, тогда как из рваных концов укороченных конечностей обильно хлещет кровь.

Карта «Распятие». Я возвращаю её на место и убираю ко-

лodu во внутренний карман плаща, невольно содрогаюсь.

Выбери я эту карту, и без того уже умирающего бедолагу разорвало бы на части. Прямо на глазах у его жены.

И кто поручится, что в этом случае хозяйка заведения не кинулась бы на меня с тем самым ножом для резки овощей, который я сам же и просил её принести?

Академия строго контролирует Игроков, которые намеренно используют колдовские карты во вред простым людям. И в этом случае не так уж важна причина, побудившая человека пойти на это. С помощью других воспитанников Академия всё равно прервёт существование виновного. А вот по поводу защиты Игроков, причинивших вред простым смертным ненамеренно, а в результате неудачной Игры, дело обстоит совсем иначе. Никакой защиты попросту не существует. В подобных ситуациях действует одно простое правило: с последствиями неудачной Игры ты разбираешься самостоятельно.

У меня дергается левая рука, и я массирую её правой, чтобы унять дрожь. Хорошо хоть этого никто не видит...

– Вот, милорд Игрок, возьмите. Я бы хотела отблагодарить вас более щедро, но это всё, что у нас есть на данный момент, – голос женщины возвращает меня к действительности, и я благодарен ей за это.

Дрожь как рукой снимает.

Девушка протягивает мне кожаный мешочек, полный монет. Даже не заглянув внутрь и не пересчитав содержимое, я

понимаю: в мешке гораздо большее денег, чем я рассчитывал получить.

– Деньги сверх платы ни к чему, – говорю я. – Вполне хватит суммы, на которую мы договаривались.

– Возможно, вы и сами не понимаете, милорд, какое большое дело совершили. Вы вернули мне самое дорогое, что есть в моей жизни – моего любимого! Прошу вас, примите деньги, – женщина вновь настойчиво протягивает мне кожаный мешок.

Я хочу ответить, что хоть мне, как Игроку, и не позволено иметь семью или привязываться к кому-либо, всё же у меня есть мать и младшая сестра, и я по-прежнему их люблю. Хотя я даже не знаю, живы ли они, ведь поступая в Академию Игр, человек, а тогда ещё ребёнок, должен отречься от своей семьи и разорвать навсегда все родственные и дружеские связи. И пусть я осознаю, что мой случай и болезнь её мужа – это не одно и то же, мне хочется сказать этой женщине, что мне понятны те чувства, которые она испытывает. И что её переживания не могут служить достаточным поводом для того, чтобы отдать мне всю текущую выручку.

Но, в конечном счёте, с моего языка не срывается ни слова. Я лишь сдержанно киваю и принимаю протянутый мешок с деньгами.

После этого я спешу как можно скорее покинуть это место. Женщина предлагает мне ужин и бесплатную комнату на ночь, но я вежливо отказываюсь, ссылаясь на то, что до

заката хочу пройти ещё немало пути. Так же, как не принимаю и предложенного мне зонтика.

– Дождь не помеха, – заверяю я.

Вы можете подумать, что я довольно странная личность, с десятком комплексов в придачу. Хотя это и не так, я не стану корить вас за подобные мысли. Я лишь сутки как оказался в большом мире, покинув стены Академии, где провел пятнадцать лет. И единственное, что мне сейчас необходимо, это остаться одному. Подальше от людей, и от цивилизации в целом.

По прошествии нескольких минут я оказываюсь на улице. Солнце окончательно скрывается за горизонтом, но всё ещё даёт немного света. Чем бесстыдно пользуется непогода, окончательно превратив вечернее небо в хмурое иссиня-чёрное покрывало, с которого уже срываются первые капли.

Дождь обещает быть сильным.

С минуту я раздумываю: не достать ли мне колдовские карты, чтобы разогнать эти тучи? Кроме того, я мог бы создать физический щит, дабы не промокнуть.

В итоге решаю не искушать судьбу второй Игрой за день. Я лишь плотнее запахиваюсь в свой кожаный плащ, подняв при этом воротник, и начинаю шагать вдоль торгового тракта, держа путь на юг.

Глава 2

Небольшой ломтик хлеба пронизывает жидкость мутновато-жёлтого цвета, опускается на самую глубину, а затем вырывается на свободу совершенно невредимый. Разве что промок до основания. Впрочем, его благополучие длится недолго, ведь я тут же откусываю от него добрый кусок.

Прикончив первую порцию нарезанного тонкими прямоугольниками хлеба, я уже хватаюсь за вторую, и вновь макаю его в куриный бульон.

Я сижу в небольшой таверне, которая прилипла к тракту будто пиявка. Двери заведения в открытом состоянии (а они здесь открываются наружу) перекрывают часть дороги. Не спрашивайте меня о том, кому в голову пришло построить здание таким образом. Мне и самому приходит в голову подобный вопрос.

Я восседаю за длинным деревянным столом в гордом одиночестве. Не то, чтобы я был против компании, но вряд ли кто-то, находясь в здравом уме, решит подсесть за один стол к Игроку, не получив от него соответствующего приглашения. К тому же, если и найдётся в таверне такой смельчак, он сможет сесть разве что напротив меня – на занятой мною лавке сушится чёрный плащ Игрока, занимая собой всё свободное пространство.

Хотя, наверное, именно напротив собеседника обычно и

салятся для разговора, верно?

Рядом со мной на столе глубокая миска с куриным бульоном, деревянная ложка, к которой я так и не притронулся, а также нарезанный хлеб – примерно половина буханки, от которой осталось совсем ничего.

Ах да, ещё возле меня стоит пустая кружка, которая недавно наполнилась пивом. Отвратным на вкус, надо признать. Пришлось осушить порцию залпом, ведь прикоснуться к кружке повторно желание могло уже не возникнуть.

Я искренне надеялся, что проглоченный алкоголь, проникнув внутрь, окутает меня своими хмельными чарами. Увы, этого так и не произошло, и вряд ли уже произойдёт. Может, стоило заказать ещё кружку, несмотря на его вкус?

В какой-то момент трапезы некто неизвестный бесшумно подходит ко мне со спины, и не то толкает, не то хлопает меня по плечу. От неожиданности я разжимаю пальцы, и кусок хлеба падает прямо в бульон.

Я с тоскою смотрю на тонущий ломтик, пока агрессор, по вине которого сейчас гибнет моя еда, занимает место за столом напротив меня. Более того, не дав мне даже осмыслить случившегося, незванный гость протягивает свою вороватую руку и забирает последний кусок хлеба.

Подняв голову, я вижу молодую девушку, которая уже принялась поесть остатки моего кушанья.

– Привет, Саймон! – объявляет она с набитым ртом, при каждом произнесённом слове между её губ проскакивает од-

на или пара крошек.

– Здравствуй, Кристина, – отвечаю я без особого энтузиазма.

Я хочу добавить, что рад её видеть, но хлеб (мой хлеб!), исчезнувший в ненасытном зеве девушки всего за пару секунд заставляет меня умолкнуть.

– Что ты здесь делаешь? – спрашиваю я вместо этого, хотя понимаю, насколько глупо прозвучит мой вопрос.

Если Кристина здесь, а не в Академии, значит, она сдала выпускные Игры и получила свою личную колоду колдовских карт.

– Закончила Академию, – отмахивается она от моего вопроса и выразительно смотрит на миску с куриным бульоном, затем переводит взгляд на меня, и вновь возвращает его на еду.

Я вздыхаю (а что ещё мне остается?) идвигаю миску к Кристине.

– Через пару часов после тебя получила колоду, – уточняет она и с улыбкой принимает порцию бульона.

Я намереваюсь передать ей и ложку, но та уже оказывается в её загребущих руках.

Недолго думая, девушка нападает на блюдо, не забыв размять и размешать упавший в него хлеб. Его ожидает та же судьба, что и предшественника – быть съеденным Игроком, который за него не платил, а просто выпросил у коллеги.

На Кристине одет такой же чёрный плащ, как и тот, что

сушится возле меня на лавке. Впрочем, каждый выпускник по окончании Академии Игр получает стандартное одеяние. Это наша отличительная черта, что-то вроде метки, по которой нас сразу же узнают в любом месте. У плащей даже имеется специальный карман для колоды колдовских карт. Да не один, а целых четыре.

На её одежде нет ни капли, хотя за пределами таверны продолжает идти дождь. Значит, она сделала то, на что я не решился – использовала физический щит, чтобы укрыться от потоков воды, проливающих с небес.

– Поздравляю с дебютной Игрой, – говорю я, пытаюсь улыбнуться.

По-моему получилось не очень искренне.

– Спасибо! – она, кажется, даже не замечает, что моё поздравление прозвучало несколько натянуто. – У тебя тоже всё успешно?

– Угу, – киваю я.

– Вот и славно, – улыбается девушка, не в пример мне светло и радостно, отправляя в рот очередную ложку бульона.

Покончив с едой, и не оставив при этом в миске ни капли, Кристина тут же устремляет взгляд на мою кружку.

– Там ничего нет, – признаюсь я, и для убедительности наклоняю её, наглядно демонстрируя отсутствие содержимого.

– Жадина! – вдруг заявляет девушка. – Не мог мне чуточку оставить?

– Я не знал, что ты сегодня закончишь Академию, – после недолгого молчания, отвечаю единственное, что пришло в голову.

– Ладно, обойдусь без спиртного, – отмахивается девушка. – Ты по распределению к кому попал?

– Ни к кому.

– То есть как это? – удивляется Кристина.

– Меня освободили от распределения.

– Вот даже так? А рекомендации какие у тебя?

– Их тоже нет, – признаюсь я.

Некоторое время девушка молчит, обдумывая мои слова.

– Ты же был лучшим на курсе! Да тебя все преподаватели хвалили! Как они могли тебе даже рекомендаций не написать?

Я пожимаю плечами, не зная, что на это ответить.

– А твой куратор это как-то объяснил?

– Сказал, что я неопределённая личность, и должен сам решить, где и как послужить человечеству, используя свои способности.

– Пф! – фыркает Кристина. – Тоже мне неопределённая личность! Тихий, робкий, и вечно хмуришься. Вот и весь ты!

– Спасибо за комплимент, – выдавливаю из себя кислую улыбку.

– Обращайся, – смеётся она, а в её серых глазах пляшут озорные огоньки.

Да, у неё серые глаза. Со временем у Игроков не остаёт-

ся и следа от золотого цвета в зрачках. На самом деле цвет глаз, которым его наградила природа, возвращается к любому ученику, почти сразу же, после получения им первой колоды. Хотя у некоторых этот процесс занимает более длительный срок.

Я вдруг представляю, как бы выглядела девушка, сидящая передо мной, будь её глаза по-прежнему золотыми.

Некоторое время мы проводим в молчании. Кристина подзывает местного служку и заказывает две кружки лучшего пива. Тот кивает и уходит, а вскоре приносит заказ. Я не сомневаюсь, что это вот «лучшее пиво», принесённое им, ничем не отличается от того, которое я пробовал ранее.

Свои мысли я решаю не озвучивать вслух, и молча принимаю свою кружку. Затем поднимаю её вслед за Кристиной в немом тосте.

На этот раз я решаю пить пиво не залпом, а отдельными небольшими глотками. Вкуснее от этого напиток не становится, и да, это вне всяких сомнений то же самое пойло, что продал мне хозяин таверны до этого.

Как и в первый раз, хмель не настагает меня, зато отвратный вкус заполняет собой весь рот и желудок.

– Может, поедешь со мной? – неожиданно нарушает молчание девушка.

– С тобой? Это куда?

– Меня назначили Игроком к графу Де... Да... на вот, сам прочти, – Кристина достаёт из плаща небольшую грамоту,

свернутую в тугую трубку.

Я освобождаю документ от завязок, разворачиваю его и бегло читаю.

– Граф Дедавинский, – вслух произношу я.

– Точно! Ему как раз нужны два Игрока.

– Два? – удивляюсь я. – Обычно никто не берёт к себе на службу больше одного Игрока.

– А этот вот решил взять, – говорит Кристина важным тоном. – Он вроде этот, историк, и выпускники Академии ему нужны для изучения руин старинного города.

Я ещё раз пробегаю глазами по документу, а затем перевожу взгляд на собеседницу. И замечаю в её взгляде... надежду? Она хочет, чтобы я согласился?

Немного смутившись, я опускаю взгляд, а вместе с ним и голову так низко, что едва не касаюсь развернутого пергамента лицом.

– Ну же, Саймон! Соглашайся! – её слова подтверждают мою догадку.

– По крайней мере, рядом будет знакомый человек, – говорю я, возвращая ей документ.

– Точно! – в голосе Кристины слышится неподдельная радость. – Мы же с тобой друзья! Пусть даже нам и нельзя дружить.

– Друзья? Да ты меня задирала на протяжении всего срока обучения в Академии!

– Ну, кто-то же должен был, – смеётся Кристина.

Кстати, наше с ней знакомство началось с того, что она разбила мне нос и обе губы.

Всё произошло несколько лет назад. Мы с однокурсником бежали по коридору (сейчас даже и не вспомню, куда и зачем), а Кристина вместе с ещё одной девушкой стояла у окна, о чём-то тихо беседуя. Надо сказать, что она всегда была худощавой, и её фигуру нельзя было назвать женственной. С годами мало что изменилось, но тогда это сразу бросалось в глаза. И причиной тому были, в первую очередь, её самые близкие подруги, которые уже тогда выглядели зрелыми женщинами. Кристина к тому же носила короткую стрижку, и её волосы цвета мышинной шерсти торчали во все стороны, как у неопрятного мальчишки.

Пробегая мимо девушек в тот день, мой сокурсник что-то сказал, указывая на Кристину. По-моему эта была шутка по поводу её причёски. Не помню содержания этой шутки, но зато помню, как, поравнявшись с ней и её подругой, я вдруг оказался на полу, причём умудрился упасть так неудачно, что в кровь разбил нос и обе губы. Это Кристина в нужный момент выставила ногу, об которую я споткнулся.

Буквально через пару дней несколько жилых корпусов Академии закрыли на ремонт, и одноместные спальни переоборудовали под два места. Руководители учебного заведения не делили студентов по полам, ведь за близкие связи в стенах заведения и за пределами оных после выпуска будущие Игроки карались самым строгим образом.

Не знаю, быть может, надо мной тогда решила подшутить сама судьба, но моим соседом стала именно Кристина.

И к моему искреннему удивлению мы умудрились сдружиться. Постоянно общались, проводили вместе много времени, не нарушая при этом правил Академии. Но это не мешало девушке частенько подшучивать надо мной, а иной раз и отвечать мне «дружеские» подзатыльники. Хотя, надо признать, она никогда не выходила за определенные рамки, которые, я подозреваю, она сама же для себя и установила...

Вернувшись мыслями обратно в таверну, я наблюдаю за Кристиной, пока она сворачивает пергамент и завязывает его синей бечёвкой. Короткие серые волосы, серые же глаза, маленький острый нос, тонкие, словно две полоски, губы. Каждая черта её лица для меня хорошо знакома, как может быть знакома только внешность родного человека.

«Кристина права, – думаю я. – Она мой друг».

Неважно, что правилами это запрещено, но в каком-то смысле, там, в стенах Академии, эта девочка заменила мне утраченных мать и сестру. Разве могу я теперь ответить отказом на её просьбу?

– Хорошо, – говорю я вслух. – Я поеду с тобой.

Глава 3

Рано утром отправились в путь.

Мы двигаемся всё тем же нешироким, но добротнo замощённым трактом, что вывел нас из стен Академии в большой мир. А перед этим заночевали в таверне, в которой нашлась свободная комната с двумя кроватями.

Дорога ложится под ноги миля за милей. Совсем скоро ближайшиe к таверне окрестности, где почва утопала в лужах после вчерашнего затяжного дождя, остаются позади, и мы выходим к сухим землям, которые не затронула ненастная погода.

Идём быстрым шагом, а привал устраиваем лишь тогда, когда идти становится уже невмоготу. Тогда мы усаживаемся у края дороги прямо на траву, и трапезничаем той нехитрой снедью, которую удалось раздобыть перед уходом из таверны.

Всю дорогу мы словно маленькие дети радуемся любой мелочи. Будь то незнакомое дерево, пролетевшая птица, или наши собственные тени. Обычно угрюмый и молчаливый, я беспрестанно улыбаюсь, а Кристина и вовсе смеётся в полный голос. И пусть нам уже перевалило за второй десяток, окружающий мир мы воспринимаем как младенцы, которых впервые вынесли на свежий воздух.

А что бы вы чувствовали, окажись на воле после много-

летнего пребывания в четырёх стенах? Я в состоянии подобрать для подобных ощущений лишь одно слово: свобода.

Свобода не от собственных целей, или ответственности, но от сковывающих твоё тело и разум удушливых сооружений, главная цель которых – отгородить человека от внешнего мира.

Между тем, закончив второй за день привал, мы продолжаем путь.

Тракт, прямой как древко стрелы, ведёт на юг, не встречая преград. Лишь там, далеко впереди, он резко уводит в низину, исчезая из виду. Можно лишь гадать, что находится в той неведомой пропасти, да вспоминать уроки географии старого ворчливого профессора Гурбанка.

«У вас с ним много общего, Саймон!» – не уставала заявлять Кристина на каждом его занятии.

Мы с моей спутницей не имеем возможности узреть того, что ждёт нас впереди, но зато мы можем во всех деталях рассмотреть то, что окружает нас здесь и сейчас.

По правую руку от тракта, то есть на западе, до самого горизонта простирается холмистая равнина. Эти невообразимые для путника просторы устилает ковёр буйной зелени, укрывающий ландшафт мягким одеялом. И посреди этого зелёного полотна далеко на западе вырастают очертания города, чьи золочёные крыши и шпили сверкают на полуденном солнце так ярко, что приходится щуриться, лишь бы только рассмотреть этот величественный силуэт.

Златой град Салон, или просто – город золотых крыш. Мы слышали много историй о нём в стенах Академии. Если верить им, то выходит, что Салон самый богатый город-государство на всём материке. А ещё, это место всевозможных благ и безграничных возможностей.

Вскоре нам попадается неприметная с виду тропка, отводящая от торгового тракта, по которому мы следуем, на запад. Она в отличие от замощённого тракта извивается подобно ползущей змее, огибая многочисленные холмы, и теряясь среди них где-то впереди. Так как поблизости нет ни одного другого поселения, можно смело предположить, что этот путь приведёт нас прямо к дверям золотого града.

И, конечно же, Кристина тут же загорается идеей посетить Салон.

– Хоть одним глазком взглянем, – твердит она, и её глаза блестят от возбуждения не хуже золотых крыш этого самого города.

Я не разделяю оптимизма своей спутницы, и высказываюсь против того, чтобы тратить время на посещение знаменитого города. Мне приходится напомнить Кристине, что её ждут в землях графа Дедавинского в кратчайшие сроки, а путь в Салон может занять много дней, если не недель. Да и припасов у нас с собой совсем мало.

Вот только никакие мои доводы не помогают. Девушка с завидным упорством продолжает стоять на своём.

– Будешь жевать траву, когда наши скудные запасы иссяк-

нут, – бурчу я сердито.

– Оба будем её жевать! – вот, что я слышу в ответ.

На самом деле, я премного благодарен Кристине, несмотря на наши расхожие мнения. Нет, совсем не за то, что ей вдруг приспичило топтать по холмам к сверкающему городу, но за то, что она уговорила меня пойти с ней. Я мог много недель блуждать по миру, так и не поняв, чего же я хочу от жизни и чем планирую заниматься в обозримом будущем. А неопределенность не на руку Игроку, ведь после выпуска из Академии он должен устроиться к кому-нибудь на службу в течение месяца. В противном случае считается, что человек принял решение использовать колоду колдовских карт в дурных целях, и на него объявляется Кровавая Охота. Лишь после года прилежной службы на благо человечеству, Игрок может отправиться в свободное странствие, чтобы помогать людям в разных уголках мира, став Странствующим Игроком.

Кристина предложила поступить вместе с ней на службу к графу Дедавинскому, и для меня этот вариант был ничем не хуже других. И со мной рядом, как ранее заметила девушка, будет знакомый человек, а это несомненное преимущество. Правда, это вовсе не значит, что я хочу умереть от голода или жажды во время бесцельного пути в Салон.

В конце концов, Кристина уступает, что премного удивляет меня. Но и в этом случае девушка не упускает возможности оставить за собой последнее слово. Она заставляет меня

пообещать, что по окончании службы у графа я непременно вместе с ней посетю город золотых крыш.

Решив отложить визит в Салон до лучших времён, мы продолжаем идти по тракту.

Часы идут, и мощённая камнем дорога продолжает вести нас вперёд.

Я упомянул, что находится на западе, но совсем забыл про восточную часть окружающего нас мира. Здесь тоже есть на что посмотреть.

Практически вплотную к дороге липнет небольшой редкий подлесок. В нём преобладают многочисленные кустарники, среди которых есть и обычные колючие бурьяны, и большие растения с пышной кроной зеленых листьев.

Сразу за подлеском начинается густой лес с грабами, буками, и многими другими деревьями. Названия многих из них нам с Кристиной неизвестны. Одни деревья раскидывают свои ветви в стороны, покрывая буйной листвой всё пространство вокруг себя, иные, напротив, тянут ветви ввысь, и те не стремятся дотянуться до своих соседей, а прижимаются к стройному стволу.

Даже отсюда, с тракта, можно услышать завораживающие звуки леса. Он полнится жизнью. Стрекохот какне-то насекомые, переливистыми трелями окликают друг друга птицы, а несколько дятлов стучат по стволам, выискивая в полостях коры жучков и червячков. Этот прерывистый, но ритмичный перестук эхом разносится по всей округе. Из недр леса доно-

сятя и многие другие звуки, определить природу которых, человек, проведший в Академии Игр пятнадцать лет, просто не в состоянии.

Лесной массив тянется во все стороны на многие лиги, на востоке постепенно наползая на возвышенность. Его величие меркнет лишь перед высокой громадой Серых гор, что вырастают на горизонте.

Дальнейший наш путь занимает не менее пяти часов. Тракт идёт заметно под уклон, и теперь мы отчетливо видим то, что находится в той самой «пропасти», которая раньше была недоступна взгляду.

Здесь ландшафт начинает резко меняться. Холмы становятся значительно выше, а трава на них встречается всё реже; кое-где и вовсе стоят курганы голой земли. На востоке же лес уступает место нагорью, среди которого хоть и попадаются редкие деревья, но и те какие-то чахлые, с коричневой жухлой листвой.

Создаётся впечатление, что всё это время мы двигались не на юг, а на далёкий север. Впрочем, заметно потеплевший воздух напоминает об ошибочности подобных мыслей.

Ближе к вечеру, когда мы оба вконец выбиваемся из сил, а солнечный диск опускается всё ниже к горизонту, мы достигаем небольшого поселения, зажатого меж двух гористых холмов.

К нашей радости, которую трудно передать словами, в деревеньке удаётся найти вполне приличный постоялый двор,

а у его хозяина купить карту материка. Несмотря на то, что документ изрядно потрёпан, он всё же вполне читаем.

Приобретя карту, мы ужинаем в харчевне наваристым рисом с тушёным мясом, запивая всё это вкусным напитком, который жена владельца (и повариха по совместительству) называет компотом.

А затем я наблюдаю, как Кристина битый час развлекает посетителей харчевни рассказами о ночных тварях и о том, как нужно их убивать. Привыкший к пересудам и байкам, народ слушает рассказчицу с раскрытыми ртами. Стоит признать, что в этом селении Игроков не боялись, а напротив, чтили и уважали, как благородных борцов со злом. Сплошные «милорд», и «миледи» звучат в каждом предложении адресованном мне или моей спутнице. Правда, я так и не запомнил названия этой деревни.

Под конец представления Кристина разыгрывает колдовскую карту, и поджигает один из стульев, после чего гасит огонь уже с помощью другой карты. Показательную Игру встречают бурными аплодисментами, а хозяину постоянного двора настолько понравился фокус, что он по доброте душевной решает не взимать с «благородных милордов» плату за испорченную собственность.

Что ж, возражать по этому поводу я не стану.

Люди просят продемонстрировать своё искусство и меня. Но я по разумным причинам решаю оставить свою колоду лежать во внутреннем кармане.

– Что-то я перебрал хозяйского компота, боюсь выронить все карты, – отвечаю я людям на их просьбы.

Шутку встречают дружным смехом, после чего меня хлопают несколько раз по плечу и более не беспокоят, ведь Кристина и без меня даёт им достаточно поводов для веселья.

«А ведь при неудачной Игре могла и убить кого-нибудь из этих зевак», – приходит мне в голову, когда я гляжу на девушку. Кажется, она наслаждается тем, что находится в центре внимания, и взгляды всех окружающих прикованы к ней одной.

Под конец вечера народ начинает расходиться, и мы с Кристиной решаем последовать их примеру. Комнаты с двумя кроватями не нашлось, поэтому хозяин заведения выделяет для нас длинную деревянную скамью, сразу несколько матрасов и подушек. Из всего этого получается вполне сносный лежак, место на котором я и занимаю. Не отнимать же у девушки возможность нормально выспаться!

Несмотря на то, что мы вымотались дневным переходом, сон откладывается на целый час. Это время мы проводим за просмотром купленной карты. В скудном свете масляной лампы мы буквально утыкаемся в карту носами, чтобы рассмотреть её получше. И всё это действие происходит отнюдь не в тишине. Мы что-то говорим, перебивая друг друга, тыкаем в ту или иную точку на карте пальцами, а между делом ещё и пытаемся вырвать её друг у друга из рук.

Иными словами, мы делаем то, что привыкли делать ещё

в Академии. Мы спорим. Кристина, по обыкновению, ведёт диалог громко и импульсивно, а я – спокойно и ворчливо. Наши с ней точки зрения расходятся в девяти случаях из десяти, и с годами подобное общение переросло в привычку. Но каждый спор, так или иначе, всегда заканчивался одинаково: мы приходим к общему решению.

А вот кого из нас это решение больше устраивает, уже зависит от конкретной ситуации.

Вот и сейчас, проспоровив целый час, мы в итоге решаем продолжить путь по морю Кракенов, которое находится на юге, в лиге от постоянного двора. Для этого нужно добраться до портового городка, и нанять небольшое судно с экипажем. После, достигнув восточного побережья, стоит выбраться к ближайшему тракту, который приведёт нас напрямиком к землям графа Дедавинского.

Идея мне не особенно нравится, так как я не люблю влажный воздух. Но альтернатива этого пути ещё хуже.

Чтобы не пересекать море, мы можем отправиться дальше на юг, но не по тракту, который вскоре резко заворачивал на запад, а через обширные степи кочевников. Пришлось бы пройти много миль, двигаясь в том же направлении, чтобы миновать горную гряду, отделяющую владения кочевников от восточных земель. Наконец, достигнув ближайшего города со зловещим названием Драохштар, нужно повернуть на северо-восток, и по имевшимся проторенным дорогам отшагать ещё несколько десятков лиг.

Конечно, в городе кочевников можно было бы купить лошадей. Но их скакуны сплошь породистые, чьей родословной позавидовали бы иные лорды. Поэтому их покупка обошлась бы нам в три дорого, и сумма эта могла намного превысить ту, что мы можем потратить в порту.

Имелся и третий вариант. Мы также могли отправиться в портовый городок, но, не доходя до него нескольких миль, повернуть на восток, где нам предстояло миновать нагорье и отыскать безопасный путь через перевал. Но Серые горы, которые мы видели позади обширного леса по пути сюда, были такими высокими, что мне с трудом верилось в существование такого пути.

На другой стороне гор, судя по карте, не было никаких дорог. Однако добраться до замка графа можно было по небольшой и с виду более чем безопасной равнине.

Итак, перед нами стоял выбор: пересечь степи кочевников, и провести в пути не меньше двух недель, свернуть себе шею, а заодно и все остальные части тела на высоких горах, или же переправиться по морю, которое носит имя страшных подводных чудовищ.

После долгого и жаркого обсуждения мы останавливаем свой выбор на море Кракенов.

Придя к согласию, мы понимаем, что этот спор окончательно лишил нас сил. Не сговариваясь, убираем карту, тушим единственную лампу, и растягиваемся на кроватях. Хотя подо мной вовсе не кровать, а лавка. Впрочем, поверх неё

я накинул пару мягких матрасов, так что жаловаться не приходится.

Кристина желает мне спокойной ночи, и даже не договорив до конца, забывается крепким безмятежным сном. Я же долго не могу уснуть.

С момента как я покинул Академию, в которой провёл целых пятнадцать лет, минуло всего два дня. Но меня не покидает ощущение, будто прошла уже целая вечность.

Я точно знаю, куда направляюсь, и кто будет рядом со мной, но даже это знание не спасает от неизвестности, что ждёт меня впереди. И, несмотря на то, что во внутреннем кармане моего плаща покоятся колдовские карты, я понятия не имею, как с ней сражаться,

Глава 4

Проснувшись на следующий день, я открываю глаза и вижу, что в небольшое окно, единственное в комнате, заглядывают весёлые солнечные лучи. Я встаю и потягиваюсь. Несмотря на слегка затекшую шею, чувствую себя прекрасно. Игрок отдохнул и готов к новому дню!

Кристины в комнате не оказывается, и потому я решаю отправиться на её поиски.

Я наспех одеваюсь, отмечая про себя, что рад наступлению осени. Всё-таки в теплую погоду в этом кожаном плаще бывает ужасно жарко. Зимы же в нашей части мира достаточно мягкие, без частых снегопадов и низких температур. Правда, до зимы ещё почти три месяца. Ну а пока, миром по праву владеет осень, изобилующая серыми днями и регулярными дождями.

Повинуясь непонятному импульсу, я достаю из внутреннего кармана свою колоду и начинаю медленно просматривать карты. При этом я мысленно тянусь к ним, чтобы ощутить заключённую в них магию. Это не то же самое, что начать Игру. Только лёгкое прикосновение моего разума к сущности колдовских карт. И почувствовав его, колода заметно вздрагивает. Так щенок поднимает голову и преданно виляет хвостом, услышав голос хозяина.

Сейчас карты дремлют, но они готовы в любой момент

пробудиться и исполнить волю своего Игрока.

Я убираю колоду обратно в карман.

Это мой дар, и моё проклятие. И я должен научиться жить с этим, чтобы больше не оглядываться назад.

Спустившись на первый этаж постоялого двора, я направляюсь в харчевню. Но и там Кристину мне обнаружить не удаётся. Впрочем, как и хозяина заведения. Лишь его жена суетится на маленькой кухоньке.

Как выяснилось, я проспал завтрак.

– Могли бы разбудить, – бурчу я в полголоса.

– Ну что вы, милорд, такое говорите? – кудахчет женщина звонким голосом. – Ежели организм требует отдыха, то надобно отдыхать. Тем более человеку вашей профессии. А еды мы вам оставили. Она, поди, ещё тёплая.

Кушанье и вправду не успело остыть, в чём я смог убедиться всего через несколько минут. Меня усаживают за тот самый стол, за которым мы с Кристиной трапезничали вчерашним вечером, и мою тарелку наполняют чем-то неопределённым.

Сперва я просто верчу деревянную ложку в руках, пока исследую взглядом предложенное мне угощение. Это нечто кашеобразное. Однородная масса странно пахнет, а её цвет варьирует от мутно-жёлтого до зелёного.

Я с сомнением гляжу на блюдо, не зная что сильнее: мой голод или нежелание *это* пробовать.

– Что же вы не кушаете, милорд? – спрашивает повари-

ха, замечая моё замешательство. – Вы просто попробуйте. Я уверена, что вам понравится!

Я пожимаю плечами, но всё-таки решаю последовать совету. Погружаю ложку в жёлто-зелёную кашу, и та издаёт неприятный чавкающий звук.

Кажется, меня сейчас стошнит.

Я делаю над собой невероятное усилие, поднимаю полную ложку и отправляю в рот её вместе с содержимым.

Удивлению моему нет предела! То, что на вид кажется таким отвратительным, на деле оказывается очень вкусным. Не знаю, какие эмоции в этот момент отражаются на моём лице, но повариха реагирует на них негромким смехом.

– Вот видите, милорд, я же сказала, что вам понравиться! – по голосу женщины становится понятно, что она очень довольна собой.

Я с удовольствием опустошаю свою тарелку, а затем съедаю ещё и вторую порцию фирменной каши Мари (так женщина нарекла своё блюдо).

На мой вопрос о том, где может находиться Кристина, Мари отвечает, что моя коллега сейчас вместе с её мужем на заднем дворе. Поэтому, покончив с завтраком и расплатившись за него, я направляюсь на улицу.

Оказавшись снаружи, я невольно корю себя за мысли о частых осадках, что посетили меня сегодняшним утром. Не зря ведь существует поговорка: не буди лихо, пока спит оно тихо. Небо затягивают рваные серые тучи, одна из которых

уже напоздла на край солнечного диска. Когда же я обогнул постоянный двор, солнце полностью скрылось из виду, и тут же начинал накрапывать мелкий дождик.

Крестину я обнаруживаю вместе с хозяином постоянного двора возле распахнутых дверей подземного погреба. Оказывается, девушка проснулась на пол часа раньше меня, и уже успела позаботиться о припасах. Их у владельца заведения имеется более чем достаточно, поэтому ему не составило труда собрать достаточно провизии на двух человек.

– Вполне хватит, чтобы пересечь море Кракенов и не умереть с голоду, – заверяет нас мужчина.

Приобретённая провизия уместается в паре заплечных сумок. Одну из них Кристина отдаёт мне, вторую перекидывает через своё левое плечо.

Мы благодарим хозяина за временный постой и собранные для нас припасы, и, расплатившись за них, собираемся уходить. Но мужчина вдруг останавливает нас, а затем протягивает деньги обратно.

– Мне право неловко вас просить, – бормочет он, сжимая в руках монеты, – раньше ведь как было? Ночные твари и монстры там всякие, они ведь только на большаках водились, прятались в лесах, да по болотам топким шастали. А нынче в таких местах им, небось, и охотиться не на кого, а в крупных городах вашего брата хватает. Игроков то бишь. А мы – народ сельский, мы им и отпор то дать не можем...

– К чему вы клоните? – спрашиваю я, перебив его речь. –

В вашем селении есть порождения ночи?

– Не в селении, нет. У меня в погребе, – мужчина указывает пальцем на открытую дверь, и голос его заметно дрожит.

– Но я же спускалась туда вместе с вами, там никого нет! – удивляется Кристина.

– Миледи, мы ведь с вами были только сверху. Там то и верно, никого нет.

– У погреба два яруса, – озвучиваю я догадку.

– Верно, милорд. В конце подвала дверца, неприметная такая. Потянешь за кольцо, дверца и откроется. Спускаетесь по лестнице, и вы внизу. Понимаете, – мужчина переходит на шепот, – внизу у меня алкоголь хранится. Вино, самогон. У меня запасов на год вперёд хватит. Поэтому и приходится хорониться таким вот образом. Прознай местное хулиганье, что у меня целый погреб выпивки, они бы давно меня обчистили!

– И вы считаете, что в ваш погреб забралось порождение ночи? – спрашиваю я.

– Вы его видели? Как оно выглядело? – добавляет от себя Кристина.

– Нет, не видел. Но я слышал звуки.

– Какие звуки? – разом спрашиваем мы с Кристиной.

– Вой, – отвечает мужчина. – Жуткий такой! Ещё бульканье какое-то. Я как услышал это вчера вечером, пустился наутёк. А дверцу то потаённую подпёр ящиком тяжёлым, чтобы тварь, значит, не выбралась наружу.

– Вы хотите, чтобы мы спустились в подвал? – подытоживаю я нашу беседу.

– Да! – воодушевляется хозяин постоянного двора. – Я ведь не глухой, слышал, как вчера миледи рассказывала про монстров всяких, и как Игроки с помощью магии их убивают. И если вы, милорд и миледи, согласны, можете брать припасы бесплатно. В оплату вашей работы, так сказать. А я вам сверху ещё и монет немного добавлю!

Переглянувшись с Кристиной, мы соглашаемся. Условия предложенной сделки кажутся нам более чем приемлемыми.

Оставив мешки с припасами хозяину постоянного двора, и забрав свои монеты, которыми совсем недавно расплатились за припасы, мы спускаемся в погреб. Я следую впереди, Кристина позади, в шаге от меня. Мы быстро находим потаённую дверь, поверх которой перепуганный мужчина водрузил ящик, полный овощей.

Общими усилиями нам удаётся отодвинуть ящик (который оказался довольно тяжёлым), и, оживив колдовские карты, спускаемся по лестнице вниз.

Здесь темно, лишь тусклый свет одинокой лампы выхватывает из темноты небольшую площадку возле нижней ступеньки. Чтобы не двигаться вслепую, я перетасовываю колоду, и, коснувшись её кончиками пальцев, вытаскиваю две карты. Затем, сосредоточившись, выбираю необходимую.

Через мгновение перед нами появляется небольшой шар

белого света, который зависает впереди нас, и разгоняет своим светом тьму. Шар двигается вместе с нами, сохраняя изначальную дистанцию.

Мне приходится держать карту «Источник Света» сыгранной, чтобы созданной магией шар освещал нам путь. Вторая карта, побочная, возвращается обратно в колоду. Я делаю первый шаг внутрь погребца. Кристина следует за мной.

В этот момент тишину прерывает негромкий, но пробивающийся до дрожи печальный вой, а следом за ним раздаются ещё более тихие звуки. Но то, что хозяин постоянного двора принял за бульканье, на самом деле было всхлипыванием. Словно там, в темноте, кто-то тихо плакал.

Вскоре всё затихает, но уже через мгновение последовательность звуков повторяется.

Мы медленно продвигаемся к источнику звука, который, судя по всему, находится в дальнем конце продолговатого помещения подвала. Единственный узкий проход, не сворачивая, ведёт прямо к неизвестному существу. По обе стороны от нас громоздятся бочки разных размеров, некоторые стоят друг на друге.

Шаг за шагом мы приближаемся к источнику звука, и потому держим карты наготове. Впрочем, если дело дойдёт до сражения, первой вступать в него придётся Кристине. Мне же, прежде чем использовать другое заклинание, понадобится несколько секунд на то, чтобы вернуть сыгранную карту в колоду, а саму колоду перетасовать.

Неожиданно всё стихает. Вместо воя и всхлипов теперь становится отчетливо слышно, как некто принюхивается, порывисто втягивая носом воздух.

Чувствуя что-то неладное, я срываюсь на бег. Всего несколько широких шагов и я оказываюсь в том месте, где предположительно должен располагаться неприятель. Свет созданного мной шара позволяет различить на полу достаточно большую бочку. А под ней – порождения ночи.

Ростом не больше подростка, с тонкой серой кожей, через которую проглядывают узкие продолговатые кости. Внешне тварь имела определенное сходство с человеком. Пять пальцев на руках, нос, губы, форма лица. Лишь длинные вытянутые конечности, цвет кожи, да белёсая плёнка, покрывающая глазные яблоки, ясно говорили о том, что перед нами никакой не человек, а монстр, рождённый во мраке ночи.

Существо, по всей видимости, всё-таки учуяло нас (или услышало мои торопливые шаги). Тварь начинает биться в конвульсиях. Она лежит на животе, придавленная сверху бочкой, и теперь, кажется, пытается забраться под неё всем телом.

Не похоже, что существо собирается на нас нападать. Скорее наоборот, сейчас оно боится за собственную жизнь, ожидая нападения с нашей стороны.

Осознав тщетность своих попыток, тварь затихает, и, обхватив голову длинными пальцами, принимается жалобно скулить.

Я осторожно приближаюсь, внимательно осматриваю бочку и существо под ней. Из его правого бока торчат окровавленные обломки сломанных костей.

– Он не жилец, – говорю я тихо. – Бочка свалилась ему на спину и сломала несколько ребер. Также, возможно, поврежден позвоночник.

Кристина тоже подходит к порождению ночи, и долго всматривается в него, глядя на его стенания. Не выдержав, девушка отворачивается. Она заканчивает Игру, усыпив карты, и делает несколько неуверенных шагов по направлению к выходу.

Я с сочувствием смотрю на неё. Она повернута ко мне спиной, но я вижу, как вздрагивают её плечи. Кристина плачет.

Мне не составляет труда догадаться, что именно она сейчас чувствует. Одно дело слушать о ночных монстрах от профессоров Академии, или рассказывать о них простому народу, заполнившему зал харчевни, и совсем другое – увидеть монстра своими глазами. Увидеть его таким беспомощным.

Я возвращаю сыгранную карту в колоду, и подвал погружается в темноту. Перетасовав колоду, я вытаскиваю пару карт. Они висают прямо перед моим лицом, хотя я и не вижу их. Не задумываясь, выбираю одну из них.

Заклинание приходит в действие и в воздухе появляется длинная ледяная сосулька, чьё бледное свечение заполняет пространство. Спустя мгновение она вонзается монстру пря-

мо в затылок. Голова порождения ночи падает на земляной пол и существо затихает.

Я усыпляю карты и возвращаю их в карман. Чернота подвала поглощает меня с головой.

Моя вторая Игра окончена.

Глава 5

После того, что произошло в погребке, Кристина наотрез отказывается отправляться в дорогу немедленно. Потому, несмотря на прежние планы, мы остаёмся на постоялом дворе до полудня. Я совру, если скажу, что время это выдалось насыщенным и запоминающимся. Совсем наоборот, серые и унылые, часы растягивались в бесконечность.

Когда солнце достигает зенита, мы садимся обедать, и лишь после этого выдвигаемся в путь.

События этого утра мы не обсуждаем. Кристина за всё время не проронила не слова, и заговорила лишь после того, когда мы вновь оказались на тракте, да и тогда речь шла о погоде: дождь то переставал, то вновь начинал накрапывать. А я считал, что не в праве поднимать этот вопрос, чем наверняка заставил бы девушку вновь пережить неприятные мгновения.

И вновь мы с девушкой шагаем по замощённой камнем дороге. С запада холмы становятся всё выше, поверхность их голая и каменистая, практически без растительности. Город Салон окончательно пропадает из виду. Его золотые крыши давно остались позади, и отсюда их было уже не разглядеть.

С востока на тракт всё яростнее наступает нагорье. Крайнюю границу Серых гор знаменуют острые камни разных размеров, торчащие прямо из земли. Чем дальше на восток

от дороги, тем выше становится местность, пока и вовсе не перерастает в серые каменные громады. Острые пики возносятся вверх то там, то здесь, пронзая затянутое тучами небо.

В какой-то момент мы замечаем едва заметную среди камней тропку. Петляя и извиваясь, она ведёт прямо в горы, устремляясь к вершине одной из них.

– Вот и путь на перевал, – подмечаю я, останавливаясь.

– Ну и чего ты встал? – спрашивает Кристина и легонько толкает меня в плечо. – Идём, нас ждёт морское приключение!

Я невольно вздыхаю, воздевая глаза к хмурому небу. Не могу сказать, что мысль о приключениях вызывает у меня такой же энтузиазм.

Через некоторое время мы решаем сделать привал. Вот только трапезничать под морозящим дождём нам совсем не хочется, поэтому мы ищем укрытие.

Подходящее место удаётся обнаружить примерно через милю. На трёх больших камнях сверху лежит четвёртый, широкий и плоский, он создаёт подобие крыши. Мы без раздумий забираемся внутрь.

Здесь сухо, и мы усаживаемся на пол каменной пещерки. И как раз вовремя! Дождь снаружи усиливается – теперь он уже не капает, а льёт как из ветра.

Мы достаём из заплечных мешков нехитрую снедь и принимаемся за еду. В ход идут тонкие полоски вяленого мяса и сушёные фрукты. Запив всё это чистой колодезной водой,

мы приваливаемся спинами к прохладной поверхности камня и ждём завершения дождя.

Пока стена воды отделяет нас от внешнего мира, в каменном убежище ведётся неспешная беседа.

– Ты никогда не думал о нашем даре? – спрашивает Кристина.

– Трудно о нём не думать, когда пользуешься им каждый день.

– Я не о том, – смеётся девушка. – Сам знаешь, одни рождаются с даром, а другие нет.

– Так и должно быть, – пожимаю я плечами. – Представь, если бы каждый носил за пазухой колоду карт!

– Да, пожалуй. Но почему именно мы?

– Мы?

– Да, ты и я. Мы ведь единственные в своих семьях у кого есть дар.

– Не знаю, – вздыхаю я. – Может это решают боги.

– Они покинули наш мир, – качает головой Кристина.

– Да. Но что если они всё ещё наблюдают за миром? Они ведь всемогущие, верно?

Девушка не отвечает. Какое-то время проходит в молчании, а затем она спрашивает следующее:

– А ты не думал о том, чтобы повидать семью?

Я внимательно смотрю на неё, пытаюсь понять, не шутит ли она.

– Я не шучу, – добавляет Кристина, словно прочитав мои

мысли.

– Думал, конечно, – говорю я, опустив голову. – Но не о том, чтобы их увидеть. Лишь о них самих. О маме, и о том, какие тёплые у неё всегда были руки. О младшей сестре, которая едва научилась ходить, когда меня забирали в Академию. Сейчас она, наверное, уже всюду встречается с мальчиками.

– Но почему ты не хочешь их повидать?

– Потому что это запрещено, – отвечаю удивленно я.

– Да наплевать на запреты! – решительно заявляет Кристина, и её лицо озаряет улыбка. – Нельзя всегда и везде следовать правилам.

– Даже если на кону твоя собственная жизнь, или жизнь твоих родных?

– Если об этом никто не узнает, как тогда на тебя объявят Кровавую охоту? – улыбка девушки становится ещё шире.

– Я не готов рисковать жизнями своих родных, – твёрдо говорю я. – А ты?

– Я... не знаю. Возможно, когда стану Странствующим Игроком...

– Да, – неожиданно для себя соглашаюсь я, – в этом есть смысл. За странниками Академия следит не так пристально.

Беседа продолжается. Пока не закончился дождь, мы успеваем обсудить ещё множество тем. Когда же ливень сходит на нет, мы выбираемся из своего убежища, и возвращаемся на тракт.

Мы ускоряем шаг, чтобы до ночи успеть достичь порта. Едва заканчивается дождь, как из-за туч выглядывает весёлое солнце, но лишь для того, чтобы уже через час скрыться за горизонт.

Начинает темнеть, когда мы проходим раскрытыми настежь и никем неохраяемыми городскими воротами.

Город пахнет рыбой. Запах настолько сильный и резкий, что вскоре мне начинает казаться, будто он заполнил мои лёгкие и вытеснил из них весь воздух. Я невольно прикрываю нос рукой, но даже это не спасает от ужасающей вони.

– Давай найдём ближайшую таверну, – предлагаю я, и мой голос звучит гнусаво из-под сомкнутых пальцев.

– Давай, – поддерживает Кристина. – Ну и смердит же это место! – добавляет она, скривившись.

Сказано – сделано. После недолгого блуждания среди приземистых и неказистых на вид зданий, мы обнаруживаем одноэтажное строение с большим количеством окон и вывеской над входной дверью. Надпись на ней гласит: «Трактир Хвост Русалки».

Заведение битком набито народом. В полутьме – а света от десятка зажжённых свечей и нескольких масляных ламп едва хватало, чтобы разглядеть фигуры людей – не меньше сотни личностей разных мастей и возрастов распивают горячительные напитки и горланят во всё горло.

Шум стоит невообразимый. Не говоря уже о запахе. В по-

мещении душно, а от посетителей разит вином, луком, чесноком, и, кончено же, рыбой. Кто-то из присутствующих курит трубку, так что ко всему упомянутому примешиваются ещё и клубы табачного дыма.

Мы с Кристиной начинаем пробираться вдоль столов, и тут один из посетителей дёргает девушку за полу плаща. Кристина разворачивается и вклеплет нахалу такую затрепщину, что тот теряет равновесие и вместе со стулом падает на пол. Виновник инцидента остаётся лежать там же, куда рухнул, а по залу таверны разносится его громоподобный храп. Видимо, он настолько пьян, что заснул в ту же самую секунду, как его тело оказалось в горизонтальном положении. Приятели поверженного пьяницы хохочут и одобрительно улюлюкают. Им явно пришлось по вкусу такое зрелище.

С трудом, но нам всё-таки удаётся добраться до трактирщика, который стоит за высокой стойкой и вытирает стаканы грязным полотенцем. Позади него на стене красуется высушенный хвост какой-то рыбёшки. Не думаю, что когда-то принадлежал русалке, хоть название заведения и намекает на это.

Мы объясняем мужчине цель своего визита, и он несколько призадумывается. Вскоре он кивает, и указывает на полтора десятка личностей в зале трактира.

– Только не надейтесь особо договоритесь с кем-то из них, – добавляет он, неприятно ухмыльнувшись.

Нам ничего не остаётся, кроме как обратиться к каждому,

на кого указал трактирщик.

Сперва мы подходим к высокому тучному мужчине с редкими волосами на вытянутой голове. От его грязной одежды разит ещё сильнее, чем от него самого. Мы пытаемся завязать с ним разговор, но в ответ он лишь называет нас «каракатицами» и продолжает заливать себе глаза дешёвой выпивкой.

Неудача не останавливает нас, и мы продолжаем расспрашивать владельцев судов. Но, как и в случае с первым моряком, всё тщетно. Никто не хочет нас слушать. Одни просто отказываются говорить, другие открыто хамят и оскорбляют, а иные и вовсе потешаются над любым произнесённым нами словом.

Очень скоро мы понимаем, что в отличие от многих других уголков мира, в этом городе не уважают Игроков, и тем более не боятся их. Похоже, дело в том, что здесь о нашей профессии попросту ничего не знают. И для большинства мы не более, чем чудаки в смешных плащах.

– Может начать Игру, и поджечь одну из этих пьяных физиономий? – говорит Кристина с хищной улыбкой.

– Если наши поиски не увенчаются успехом, и придётся возвращаться к перевалу, то я первый достану колоду, – обещаю я.

В конечном счете, в углу таверны мы обнаруживаем невысокого коренастого мужчину. Он широк в плечах, прилично одет, и сидит за маленьким круглым столом в гордом оди-

ночестве. У него ясный взгляд и приветливая улыбка. Из-под шапки-треуголки выбиваются огненно-рыжие кудри, а широкое обветренное лицо обрамляет густая борода того же цвета.

На столе перед мужчиной нет ничего кроме тарелки с очищенными ядрышками маленьких орешков, которые он методично отправляет себе в рот и неспешно пережёвывает. Возле стола, впрочем, как и во всём трактире, нет свободных стульев, поэтому мы просто подходим поближе к рыжебородому посетителю, и замираем напротив него.

– А я всё гадал: как скоро вы ко мне подойдёте? – мужчина первым заговаривает с нами.

У него слегка хриловатый, но в целом приятный голос.

– Меня, кстати, Грэггом зовут. Не гоже ведь общаться, называя друг друга «эй ты!», – добавляет он.

– Я Саймон, а это Кристина, – отвечаю я, на что Грэг снимает треуголку и слегка кланяется. – Вы ждали, что мы подойдём к вам?

– Разумеется, – улыбается мужчина. – Вы ведь разговаривали со всеми капитанами в этом зале. Ну, то есть, пытались разговаривать.

– Так у вас есть корабль? – удивляюсь я. – Трактирщик не указывал на вас.

– Не удивительно, – пожимает плечами Грэг. – Я ведь не из этого контингента, – говорит он, обводя залу широкой ладонью.

– Потому что вы трезвый? – ухмыляется Кристина.

– А знаете, юная леди, некоторые сочли бы подобные слова оскорблением, – в голосе мужчины слышится укор.

– Но только не вы? – не остаётся в долгу девушка.

– Да, – с улыбкой соглашается капитан, – только не я.

– Нам нужно пересечь море Кракенов в кратчайшие сроки, – говорю я.

– Вот как? Хм... – задумчиво отвечает Грэг. – Я бы мог переправить вас. Да и вряд ли кто-то ещё в этом провонявшем рыбой месте согласится взять вас на борт. Впрочем, мне бы хотелось для начала узнать, кто вы такие?

– А по нашим плащам не понятно? – отзывается Кристина, вздёрнув подбородок.

– Курьеры что ли? Послания доставляете? – спрашивает капитан и отправляет в рот очередной орех.

Кристина закатывает глаз, что-то бормоча себе под нос. Из-за шума, царящего в трактире, слов не разобрать, но думаю, что с её уст срываются сейчас ругательства. Я перевожу взгляд на Грэга и пытаюсь понять, не шутит ли он. Но мужчина смотрит на нас внимательно и с интересом.

«Он не шутит, – понимаю я, – и плащи Академии он видит впервые».

– Мы Игроки, – говорю я вслух.

– В смысле игроки? Во что вы играете?

– В колдовские карты.

– Правда? – отзывается капитан, и даже рука его, сжимав-

шая очередной орех, на миг замирает, не достигнув рта. – Волшебники, стало быть. Боритесь с беззаконием с помощью магии?

– Мы защищаем людей от порождений ночи, – говорю я.

– Убиваете монстров, – подытоживает Грэг. – Вот только монстры бывают и в человеческой шкуре.

– Искоренение зла среди людей – не наша задача, – отвечает Кристина.

– Сказала леди, что уложила грубияна одной пощёчной! – смеётся капитан.

– Но, я понимаю, о чём вы, – продолжает он уже серьёзно. – Наверное, это и правильно. Волшебник без принципов, что твой корабль без паруса. А зачем вам надобно на восточный берег?

– Мы поступаем на службу к графу Дедавинскому.

– К графу? Хороший он мужик, – кивает Грэг. – Я ему регулярно товары поставляю. Платит исправно, да ещё и сверху монетами частенько одаривает. Так что, в его землях завелись монстры?

– Узнаем когда прибудем на место, – отвечаю я. – Но для начала нам нужно пересечь море.

– Это верно, – соглашается наш собеседник. – Что ж, я вижу, вы люди хорошие, да и просите о помощи по делу, а не забавы ради. У меня маленькое быстроходное судно. Будем держать курс на восток, и пересечем море Кракенов в самой его узкой части. При попутном ветре окажитесь в зем-

лях графа через двое суток.

Мы с Кристиной переглядываемся и невольно улыбаемся. После бесцельного шатания по трактиру среди пьяных личностей мы уже и не надеялись, что сможем отыскать капитана, который поможет нам пересечь море.

Я задаю Грэгу последний вопрос: в какую цену нам обойдётся его помощь? Когда он называет сумму, девушка невольно присвистывает.

– Не удивляйтесь, и уж тем более не злитесь на старину Грэга, – виноватым тоном отвечает капитан. – Если бы я отправлялся в путь в ближайшие дни, то взял бы вас на борт задаром. Но я планировал затовариваться только на следующей неделе, не раньше. Поэтому вам либо придётся возместить мне сопутствующие убытки, либо ждать, пока я не наполню трюмы ящиками. Я ведь, считай, четверо суток изведу не на что. А мне, как-никак, и команду чем-то кормить надо. Да и поить тоже.

Выбор у нас с Кристиной не богатый, точнее, его нет совсем. Поэтому мы опустошаем собственные карманы. Главное, что наших денег хватает заплатить рыжебородому капитану, а о будущем беспокоиться не приходится, ибо придворные Игроки получают приличное жалование.

Грэг прячет полученные деньги за пазухой, затем отправляет в рот последние несколько орешков, и поднимается со стола.

– Идёмте, переночуете в каюте, темень то на дворе уже.

– Отплываем завтра? – уточняю я, следуя за Грэгом к выходу вместе с Кристиной.

– Да. Пойдём под парусом навстречу рассветному солнцу.

Глава 6

Я смотрю вдаль, где лучи солнца, только-только отлепившегося от горизонта, отражаются от тёмно-синей водной глади. «Прекрасная дева» (так называется корабль Грэга) покачивается на волнах. Где-то там, позади, остался небольшой портовый городок, а впереди, на востоке, нас ожидают земли графа Дедавинского.

Как и обещал капитан, мы отплыли с рассветом. Правда, для того, чтобы это стало возможным, он растолкал нас на час раньше, и несказанно «обрадовал» вестью о том, что его команда в данный момент рассеяна по городу, и её надобно вновь собрать воедино на борту.

Пришлось разделиться. Хорошо ещё, что порт был не велик размерами, и его можно было обойти от края до края всего за час. К счастью, прочёсывать весь город всё-таки не пришлось.

Сбор команды позволил рассмотреть порт при свете дня, ведь вчера, когда мы прибыли, уже темнело, а на улицах города не было никаких источников света. Теперь же местность предстала предо мной во всей красе.

И я вовсе не иронизирую. Несмотря на жуткий запах, который источал, казалось, каждый камешек, вид в этом месте открывался удивительный.

Возле пары длинных причалов ютились несколько десят-

ков различных судов. Были здесь и небольшие рыбацкие суда, и настоящие военные корабли, поражавшие своими размерами. Раньше я видел корабли лишь в книгах, а теперь мог лицезреть их воочию. Да ещё и в таком количестве, и таком многообразии!

Судно Грэга выделялось среди прочих. Оно не могло похвастаться внушительными размерами, но на его носу красовалась вырезанная из цельного куска дерева обнажённая женщина. Формы её тела и черты лица были выполнены неизвестным мастером так искусно, что дева казалась живой. Её же искусственные, но такие настоящие глаза глядели на окружающих с любопытством и теплотой.

Была в порту и набережная, где любой желающий мог пройтись вдоль моря по укрепленному камнем берегу. Здесь было на удивление чисто – ни мусора, ни грязи, что только способствовало приятной прогулки. В чём я смог убедиться лично, позволив себе прогуляться неспешным шагом вдоль моря в течение нескольких минут.

Команду Грэга удалось собрать достаточно быстро, если не считать рулевого (или рулевую?), которым оказалась милостивая дама лет тридцати. Я обнаружил её в одном из питейных заведений, где она никем не замеченная мирно посапывала под одним из столов «для особых гостей», что был накрыт длинной до пола скатертью.

Когда команда была в сборе (всего набралось человек пятнадцать), все поднялись на борт «Прекрасной девы».

И вот, мы на корабле!

Грэг отдаёт приказы, а каждый из команды делает то, что от него требуется. Их действия слаженны, хотя в моих глазах они выглядят хаотичными и нелогичными. Кто-то что-то отвязывает, эти что-то тянут, а другие куда-то что-то передвигают. Но вот, паруса поднимаются и распрямляются, на воду падают несколько пар вёсел, и судно, отлепившись от причала, начинает медленно, но уверенно двигаться навстречу рассвету...

Погрузившись в собственные мысли, я на время покидаю привычный мир, но жуткий звук мгновенно возвращает меня к действительности. Это Кристина свешивается через борт и её рвёт прямо в море.

Меня невольно передергивает.

Так ведь бывает. Ты знаешь человека вот уже больше десяти лет, и порою тебе кажется, что он для тебя, как открытая книга. Тебе известны его достоинства и его недостатки, тебе ведомо о его интересах и страхах, ты видел все стороны его характера. И тут на твоих глазах эту открытую книгу выворачивает наизнанку, и...

Я понимаю, что это нельзя назвать отражением сущности человека, но это...

Отвратительное зрелище!

– Похоже, что море не для вас, милочка, – смеётся Грэг.

– Никакая я вам не милочка! – заявляет слабым голосом

девушка.

– Вот так морское приключение, – в пол голоса добавляю я.

В первый день плавания не случается ничего примечательного. Мы с Кристиной коротаем время на палубе, тихо переговариваясь, или же молча вглядываемся в синеву морской глади. Но большую часть времени мы проводим в своей каюте, где девушку тошнит значительно меньше и реже. Несколько раз за день к нам спускается Грэг, чтобы навязать свою компанию. Впрочем, мы совсем не против.

– Вы же Игроки, а значит, должны играть не только в свои колдовские карты, – заявляет он, выуживая из кармана игральные кости.

Стоит отметить, что мы сыграли много раз, даже слишком много, на мой взгляд, и лишь однажды смогли вырвать победу у рыжебородого капитана. Сделала это Кристина, и после нескольких десятков поражений, девушка ознаменовала свою первую и последнюю, как выяснилось позже, победу восторженным визгом.

Также мы проводим несколько партий в «Проклятую звезду». Что это за игра, наверное, спросите вы? Такой же вопрос я задал Грэгу, после чего он объяснил нам её правила.

Итак, в центр стола ставится перевёрнутый стакан (или кружка), а вокруг него, по краю стола, выкладываются пять любых предметов. Их следует расположить таким образом,

чтобы визуально получившаяся фигура напоминала звезду с пятью лучами. После этого игроки по очереди кидают кости. Выпавшая сумма очков показывает, сколько раз игрок может переместить любой предмет на столе. При этом необходимо чередовать...

Нет, пожалуй, я не стану пересказывать все нюансы этой игры. Скажу лишь, что в правилах я так до конца и не разобрался, впрочем, как и Кристина. Стоит ли и говорить, что нам не удалось выиграть ни одной партии.

Оставим позади первый день нашего морского путешествия, и перенесёмся в день второй, когда от «Прекрасной девы» остались одни щепки.

Начинался день непримечательно и мало, чем отличался от дня предыдущего. Светило солнце, играя бликами на волнах. Весла мерно опускались на воду, погружались, а затем выныривали. Ветер уже второй день к ряду дул с запада, раздувая паруса и подгоняя судно в нужном направлении. Кристина даже обмолвилась о том, что погода благоволит нашей переправе. В ответ на такое заявление капитан корабля шикнул на девушку и попросил её впредь воздержаться от подобных речей.

– Это почему ещё? – удивилась тогда она.

– Примета плохая, – серьёзным тоном пояснил Грэг.

Кристина лишь фыркнула, но просьбу капитана всё же исполнила.

Никто в тот момент ещё не знал, что за безмятежной тишиной таится смертельная опасность в лице древнего морского монстра.

Кракен (а это был именно он) вот уже несколько часов следовал за «Прекрасной девой», наблюдая за судном на расстоянии, и не показываясь до времени на поверхности. Кто знает, чем именно его привлёк наш корабль, ведь как позже объяснял Грэг, кракена никто не видел больше сотни лет. Быть может, дело было в двух Игроках, находившихся на борту, и их колдовских картах? Чудище могло учуять таящуюся в них магию, и это заставило его подняться из самых тёмных морских глубин, где оно обитало все эти годы.

Я знаю лишь одно: по злой иронии всего за несколько минут до нападения Кракена, мы обсуждали именно его.

Кристина, Грэг и я стоим на палубе и ведём неспешную беседу.

– Так почему море называется Кракеновым? – спрашивает Кристина.

– Оно не Кракеновое. Море Кракенов – так правильно говорить, милочка.

– И что, здесь действительно водятся кракены, «милый» капитан?

– Чего не знаю, того не знаю, – разводит руками Грэг. – Говорят, что да, но...

– Их никто не видел? – высказываю я предположение.

– В общем, да. Говорят, что раньше его часто видели, поэтому море так и называли.

– А кракен, он какой? – задает девушка очередной вопрос.

– Трудно сказать. Попробуй, опиши того, кого сам никогда не встречал! Одни толкуют, что это гигантский моллюск, другие говорят – огромный осьминог. А есть и те, кто утверждает, что кракен, он кракен и есть.

– В каком смысле?

– Монстр то есть. Ни моллюск, ни осьминог, хоть и схожие черты имеются. Большое морское чудище, что топит корабли.

– А вы, Грэг, верите в его существование? – спрашиваю я.

– Скорее да, чем нет, – уклончиво отвечает капитан. – Знаете, мы люди морские довольно суеверны. И если молва утверждает, что кракен существует, то он и вправду существует. Ну, или раньше существовал.

– И что вы будете делать, если он на ваш корабль нападет? – в голосе Кристины слышится смешок.

– Скажете тоже, милочка! А если серьёзно, то у нас в трюме есть десяток арбалетов и несколько гарпунов.

В этот момент я решаю взглянуть на морскую гладь за бортом, и случайно замечаю, как пузырится вода у самого корпуса корабля. Затем на долю секунды из воды выныривает нечто, смахивающее на огромное фиолетовое щупальце, и вновь скрывается под водой.

– Возле корабля что-то есть, – говорю я, повернувшись к

Грэгу.

Капитан молча подходит к борту и тоже смотрит на поверхность воды, исходящую пеной. Через секунду к нам присоединяется Кристина. А ещё через мгновение мы едва не погибаем.

Нас спасает Грэг, который вовремя понимает, что именно происходит. Он прыгает на нас и валит на палубу.

В эту же самую секунду из воды, подняв фонтан брызг, выскакивает щупальце и бьёт наотмашь по тому месту, где только что стояли мы трое. Не достигнув цели, конечность монстра удлиняется, и, дотянувшись до одной из мачт, ломает её у самого основания, а затем утаскивает под воду вместе с парусом.

При крушении мачты горизонтальная балка, удерживающая парус, падает прямо на голову одного из членов команды. Мужчина оседает на палубу, заваливаясь лицом вниз, и больше уже не поднимается. Ещё одного моряка смахивает с корабля мачтой, словно мусор метлой.

– Джек! Лео! – кричит в отчаянии Грэг.

Его глаза расширяются, в них ясно читается ужас.

Надо отдать должное капитану, в себя он приходит достаточно быстро. И вот его крики преодолевают общий шум, раздавая приказы, которые команда «Прекрасной девы» начинает исполнять незамедлительно.

Пока кракен перемалывает в щепки украденную им мачту, из трюма на палубу извлекается оружие, и вскоре первые

арбалетные стрелы летят в воду, вонзаясь в фиолетовую кожу монстра.

Древнее чудище этого будто и не замечает. Закончив с мачтой и парусом, щупальце (на тот момент уже изрядно утыканное дротами) устремляется к носу корабля, и, обвив его кольцом, с треском отламывает от корпуса судна.

Корабль качается, теряя равновесие. Грэг выкрикивает команды, пытаясь с помощью своих людей справиться с последствиями атаки. Один из них адресован нам.

– Игроки, сделайте что-нибудь! – кричит он с мольбой в голосе.

Тут я понимаю, что мы с Кристиной попросту застыли на месте, глядя на разворачивающееся побоище, устроенное «несуществующим» монстром.

Мы достаём из карманов плащей колдовские карты.

– Мы ведь не сможем его убить, верно? – спрашивает девушка, оживляя свою колоду.

– Нет, не сможем, – соглашаюсь я, и тоже пробуждаю карты. – Постараемся хотя бы отогнать его от корабля!

Кристина кивает и тасует колоду. Я совершаю те же манипуляции и первым начинаю игру. Из двух вытасенных мной карт я выбираю левую. Она переворачивается. На карте изображён убелённый сединой старец, с раскрытой ладони которого срывается огненный шар.

Карту «Огненный шар» обволакивает ярко-красное свечение, и через миг с её поверхности срывается шар обжигаю-

щего пламени. Заклинание устремляется к щупальце, которое в этот момент пытается оторвать ещё одну мачту. Огонь врежется в фиолетовую плоть, и конечность монстра тут же загорается.

Окрестности оглашает звериный вой, полный боли. На мгновение туловище кракена выныривает из воды, и я невольно содрогаюсь от отвращения. На огромном, больше нашего корабля размером шарообразном теле вращаются десятки выпученных глаз. Они расположены по всему туловищу, без какой либо видимой симметрии. Между ними то там, то здесь, имеются многочисленные гнойные наросты, из которых сочится тягучая слизь.

Издав неопределённый чавкающий звук, тварь вновь погружается под воду, и сразу три щупальца вновь атакует корабль. «Прекрасная дева» лишается ещё одной мачты и части кормы вместе с рулевым.

Кристина спешит сыграть свою карту, и когда она переворачивается, я с удивлением обнаруживаю, что это «Призыв дождя». Прямо над тем местом, где под водой скрылось тело кракена, в воздухе материализуется небольшая туча и проливается на море секущим дождём.

– Ты что, его утопить решила?! – кричу я, тасуя свою колоду.

– Выбрала не ту карту! – сетует девушка. – Хотела применить «Удар молнии».

– С ума сошла? Нельзя бить молнией в воду, когда ты са-

ма в ней! Хорошо хоть картой ошиблась! – возмущаюсь я и вытаскиваю из колоды сразу три карты.

Невольно выругавшись, касаюсь центральной, и из меня вырывается вздох облегчения, когда я вижу, что в отличие своей коллеги выбрал верное заклинание. «Каменная стрела» пронзает одно из щупальцев, и из раны прямо на палубу брызжет темно-коричневая кровь.

Корабль сотрясает ещё один рёв.

Что ж, по крайней мере, теперь мы точно знаем, что кракен чувствует боль.

Тем временем, Кристина разыгрывает «Воспламенение» и ещё одно щупальце превращается в подобие факела. Чудище не перестаёт «кричать» от боли, но вместе с этим продолжает разрывать наш корабль на куски, используя для этого пока ещё невредимые конечности.

Нос судна теперь представляет собой сплошное деревянное крошево, на «Прекрасной деве» не остаётся ни одной целой мачты.

Кто-то из членов команды сообщает Грэгу, что повреждён корпус по левому борту, и совсем скоро корабль пойдёт ко дну.

Я хватаю капитана за плечо.

– Кракен потопит нас раньше, чем мы сможем убить его, или хотя бы прогнать. Надо что-то сделать!

– Верно. Вот только, что именно? Даже если мы спустим на воду лодку, кракен сломает её прежде, чем мы в неё сядем.

– А что насчёт левитации? – предлагает Кристина.

– Нам не поднять целый корабль, – возражаю я. – Если только...

Меня озаряет неожиданная мысль, и я тут же спешу её озвучить:

– Грэг, какая у вас лодка? Вместятся ли в неё все выжившие?

– Нас осталось шестеро, и вас двое. Да, думаю, что поместимся. Но нельзя же опускать перегруженную лодку на воду!

– Мы будем не опускать её, а поднимать вверх. Нужно...

В этот момент кракен бьёт щупальцем по кораблю с такой силой, что «Прекрасная дева» раскалывается пополам. Выжившие едва успевают перескочить на уцелевшую корму, тогда, как его передняя часть после ещё нескольких могучих атак подводного монстра превращается в кучу обломков.

– Времени нет! Скорее! Сбейтесь в кучу возле нас с Кристиной, и держитесь друг за друга.

Люди немедленно выполняют мою команду, и скоро за мой плащ хватаются несколько рук. Остатки корабля медленно, но уверенно идут ко дну.

– На мне левитация, на тебе ветер, – говорю я, обращаясь к своей коллеге.

– Надеюсь, получится, – говорит девушка и тасует колоду. – Я тоже.

А ещё я искренне надеюсь, что мы выберем правильные

карты.

Я поспешно вытаскиваю пару карт из колоды, и вскоре передо мной появляется изображение человека, парящего в воздухе. Это нужная нам карта «Левитация». Выбранная де-вушкой карта тоже поворачивается к нам лицевой стороной, и мы с облегчением видим на ней человека, из ладони которого извергается мощный поток воздуха. «Призыв ветра».

Группу людей с двумя Игроками в центре охватывает сфера оранжевого свечения, и они взмывают вверх. Призванный ветер подхватывает нас и несёт по воздуху на восток.

Наше бегство не остаётся незамеченным. Морской монстр теряет всяческий интерес к разрушенному судну и устремляется в погоню. Его шарообразное тело периодически выныривает из воды, а щупальца то и дело пытаются дотянуться до нас.

Но безрезультатно. С помощью левитации мне удаётся удерживать лодку на достаточно безопасной высоте, что позволяет нам не бояться атак кракена.

Опасность и сложность состоят несколько в другом, и именно об этом решается спросить Грэг:

– Как долго вы сможете нести нас по воздуху?

– Пока мы удерживаем карты сыгранными, заклинания будут действовать, – отвечаю я. – Как только мы вернём их в колоды...

– Мы пойдём на ужин кракену, – мрачным тоном заканчивает за меня Грэг. – Долго вы сможете удерживать эти карты?

– Насколько хватить наших сил, – подаёт голос Кристина.

Больше никто не пытается заговорить. Грэг, как и остальные, прекрасно понимают, что мы их единственная надежда на спасение. Поэтому никто из числа тех, кто пережил нападение кракена, не решается отвлекать нас, ведь этим он может поставить под угрозу не только свою жизнь, но и жизни своих товарищей.

Мы движемся по воздуху гораздо быстрее, чем могла плыть «Прекрасная дева», и это вселяет в наши сердца надежду. А вот кракен, который с завидным упорством продолжает погоню, не может не беспокоить. Нас с чудищем разделяет не больше сотни шагов (или чем там меряют небольшие расстояния на море).

Не знаю, сколько времени так проходит. Я ужасно устал, пересохло во рту, мои руки дрожат, а по всему телу пробегают мурашки. Меня бьёт озноб. Но несмотря на то что я продолжаю удерживать сыгранной карту «Левитация».

Я позволяю себе отвлечься лишь раз. Кинув быстрый взгляд на Кристину, замечаю, как сильно побледнела девушка. Её лицо покрывает испарина, а руки дрожат поболее моего. Но она также продолжает удерживать свою карту.

Солнце пропадает из виду, и находится где-то позади нас. Оно клонится к западу, а значит, близится вечер.

Уже сгущаются сумерки, когда плеск воды, порождаемый кракеном, начинает стихать, а потом и вовсе пропадает.

Я не могу поверить такой удаче. Неужели, чудище решило

бросить свою добычу? Я хочу спросить у Грэга, или у любого другого члена его команды, верно ли моё предположение, но потом вспоминаю слова капитана о плохих приметах. Да и кто знает, в состоянии ли я хоть что-то сказать – во рту у меня сейчас суше, чем в пустыне. Вместо этого, дрожа всем телом, я оборачиваюсь и вижу лишь ровную морскую гладь. Никаких кракенов до самого горизонта.

Грэг, проследив за моим взглядом, тоже оборачивается. Наши взгляды встречаются, и он улыбается мне. Мы всё понимаем без слов. Нам удалось спастись.

Тут же следует и другая хорошая новость.

– Земля! На севере земля! – кричит восторженно один из матросов.

И в этот момент наше движение по воздуху прекращается. Я перевожу взгляд на Кристину, которая повисает на руках у ближайших к ней мужчин. Она лишилась чувств, а значит, её текущая Игра окончена.

Побелевшие пальцы девушки всё ещё сжимают колоду колдовских карт – Игрок может потерять свои карты, лишь умерев.

Лишившись движущей силы ветра, мы просто висим в воздухе, и я понимаю, что тоже на пределе своих возможностей. Последним усилием я устремляю взор на север, и вижу небольшой острова, поросший буйной растительностью.

Это не материк, но всё же суша. Твёрдая земля под ногами.

Я возвращаю карту «Левитация» обратно в колоду и позволяю своему сознанию выскользнуть из-под моего контроля.

Глава 7

Когда я прихожу в себя, то вижу большие листья какого-то растения. Они колышутся на ветру, а между их массивными зелёными телами проглядывает затянутое белыми облаками небо.

Я лежу на мягкой траве, меня до самого подбородка укрывают листья папоротника. Я поднимаюсь и сажусь, стряхивая с себя необычное одеяло.

Несколько минут уходит на то, чтобы встать на ноги, размять затёкшее тело и осмотреться. Меня окружает буйная растительность, пестрящая своим многообразием. Тут растут и карликовые деревья с зубчатыми листьями, и большие раскидистые пальмы, крона которых похожа на зелёный парик. Есть ещё многочисленные кустарники, большие и маленькие, аккуратные и стройные, а иные очень громоздки и лишёны всяческой симметрии. И, конечно же, под ногами расстилается зелёный ковёр травы, захвативший землю; лишь у самого моря он уступает место золотистому рассыпчатому песку.

Я уверен, что нахожусь на берегу того самого острова, до которого оставалось всего ничего, когда мы с Кристиной потеряли сознание...

Кристина! Жива ли она? Всё ли с ней хорошо?

Я решаю поскорее найти её.

Возле меня никого нет, лишь на большом камне, обросшем невысокой травой с мелкими жёлтыми цветами, лежит мой плащ. Рукава его раскинулись в разные стороны.

Похоже, что плащ оставили здесь сушиться. А возле него, лежит небольшой кожаный бурдюк. Проверяю, полон ли он, и обнаруживаю внутри лишь небольшое количество чистой воды. Удивительно, но от жажды, которую я так остро чувствовал перед тем, как лишиться чувств, не осталось и следа. Но я всё равно осушаю его до дна в пару глотков.

Беру в руки плащ и одеваюсь, после чего убираю во внутренний карман колоду колдовских карт, которые я держал в руке всё это время. Закончив нехитрые приготовления, отправляюсь на поиски других выживших.

Так как песчаный берег чист (кроме меня на нём никого нет), я решаю отправиться в глубь острова.

Деревья, кустарники, и другие неопределённого вида растения создают могучий природный массив, прорваться через который без подручных средств или магии будет достаточно сложно. Однако вскоре я замечаю проторенную тропу, по которой и решаю двигаться. Примятые растения и сломанные ветки ещё не успели засохнуть, а значит, здесь недавно кто-то проходил.

Через какое-то время моего слуха достигают чьи-то приглушённые голоса. С каждым шагом человеческая речь звучит всё отчетливее, и теперь можно разобрать отдельные фразы. Похоже, несколько человек что-то активно обсужда-

ют.

Тропинка выводит меня на просторную поляну, на которой стоит Грэг и все члены команды, кому посчастливилось пережить стычку с Кракеном. Меня тут же замечают и прерывают свою беседу. На лицах людей приветливые улыбки.

Неожиданно Грэг подбегает ко мне, будто озорной мальчишка, и хлопает меня по плечу.

– Наконец-то, вы проснулись, милорд! Рад видеть вас на ногах и в добром здравии!

– Спасибо, – говорю я. Меня немного смущает реакция окружающих, вызванная моим появлением. – Как мы добрались до берега?

– Доплыли, милорд, как же ещё? Скажу честно, когда вы сознание потеряли, и мы все в воду грохнулись, я малость струхнул. А ну как кракен всё ещё под водой, или вы карты колдовские потеряете? А если и просто не доплывём до земли? – слова льются из капитана нескончаемым потоком. – Тело то ведь, сколько часов в небе парило без опоры под ногами, все мышцы затекли. Но мы с парнями сдюжили, на закорки вас взяли и поплыли к острову. Должен сказать, с виду вы кожа да кости, под плащами своими, а ежели вас на шею к себе посадить, тут то и понимаешь, какие вы тяжёлые. Особенно миледи...

– Миледи? – спрашиваю я, перебив пылкую речь собеседника.

– Ну да. Миледи Кристина сказала, что по королевским

правилам к Игрокам надлежит обращаться только так. А я, словно невежда какой, милочкой её...

– Кристина? – вновь я не даю Грэгу договорить. – Она в порядке? Где она?!

– В порядке, – кивает Грэг. – Устала только очень. Очну-лась то она раньше вас, милорд, но совершенно без сил была. Так мы ей гамак соорудили и отправили на боковую. Организм то молодой, восстановится, но после таких приключе-ний отдых всем нужен.

– Вы отведёте меня к ней?

– Конечно.

Мы оставляем людей Грэга, и вместе с ним отправляемся в северную часть острова. Пройдя некоторое расстояние че-рез густые заросли, мы выходим на ещё одну поляну, вдвое меньше предыдущей. Здесь на небольшом расстоянии друг от друга растут две пальмы, между стволами которых моря-ки соорудили из толстых лиан и больших широких листьев простенький лежак.

На гамаке лежит Кристина. Её укрывает собственный плащ. Глаза закрыты, а лицо кажется безмятежным. Я подхо-жу к девушке, и некоторое время просто смотрю на неё. Без-мерная радость переполняет меня при осознании того, что она жива. Я осторожно касаюсь её лба ладонью. Он тёплый, но не горячий. Жара нет. Дыхание ровное и уверенное.

– Не хочу показаться бестактным, но не могу не спро-сить, – говорит тихо Грэг. – Вы с миледи... вместе?

– Нет, – отвечаю я в пол голоса, – но она значит для меня больше, чем я могу выразить словами.

– Понимаю, – отзывается мужчина. – Близкий сердцу человек ценнее целой команды.

– Кстати о вашей команде, – говорю я, подойдя к Грэгу. – Спасибо вам и вашим людям, что спасли нас.

– Глупости, – отмахивается капитан. – «Не смей бросать человека за бортом» – так у нас говорят. И потом, это вы с миледи спасли нас.

– Мы спасли не всех, – отвечаю я. – И, возможно, кракен появился только потому, что на борту были мы.

– Может так, а может, нет, – возражает мой собеседник. – До правды мы вряд ли когда-нибудь дознаемся. Да и не интересует она меня. Вы с миледи спасли меня и половину моей команды. Каждый из парней обязан вам жизнью.

– Но вы имеете право злиться, ведь вы потеряли свой корабль.

– «Прекрасную деву» жалко, спору нет, – вздыхает капитан. – Но я предпочитаю жить дальше без неё, чем идти вместе с ней ко дну. Не обременяйте себя моими хлопотами, милорд, и уж тем более не думайте, что я стану на вас зло держать. У меня много должников по миру, вытрясу с них золотишко, и куплю новое судно. Да и ваши то деньги, что вы мне заплатили, кракену на поживу не достались. Я их в городе оставил. Так что старина Грэг не пропадёт!

Оставив Кристину отдыхать, мы направляемся на поляну,

где я и встретил капитана и его команду.

– Нам плот нужно построить, чтобы до материка добрать-ся, – говорит Грэг по пути. – Местные лианы вполне сойдут за верёвки, а древесины на острове хватит и на десяток плотов. Вот только чем рубить деревья? У нас кроме бурдюка с водой, да нескольких ножей ничего не осталось.

– Пустого бурдюка, – уточняю я, возвращая его Грэгу. – Я выпил всё, что было.

– Так для вас же и оставляли, милорд. К тому же миледи сказала, что с помощью карты «Очищение» вы можете сделать морскую воду пресной.

– Грэг, можете сколько угодно называть Кристину «миледи», но я для вас никакой не милорд. Просто Саймон

– Милорд Саймон, – стоит на своём капитан. – Можете, конечно, закидать меня огненными шарами или молниями какими, но и это не поможет.

– Ладно, – я решаю не спорить, – милорд, так милорд. А с плотом я могу помочь. Карта «Рубящий удар» станет хорошей альтернативой топору.

– Вам бы поберечься, отдохнуть, а мы уж как-нибудь сами, – возражает капитан.

– У графа на службе отдохну, – отвечаю, криво улыбаясь.

– Я бы на вашем месте на такое не надеялся, – говорит Грэг, тоже ухмыляясь.

– Помнится, вы сказали, что граф Дедавинский хороший человек?

– А я от своих слов и не отказываюсь, – смеётся капитан. – Но у всех есть свои странности, верно? И потом, в переплёт чаще всего попадаешь именно с хорошими людьми за компанию.

Вскоре мы принимаемся за работу. Я оживляю колоду и начинаю один за другим валить те деревья, на которые указывает Грэг. Затем, с помощью всё той же карты «Рубящий удар» я превращаю деревья в брёвна нужных размеров. Правда, каждый раз мне приходится заканчивать игру и начинать её заново, так как использование одного заклинания несколько раз подряд увеличивает риск выбрать не ту карту. Я мог бы чередовать заклинание с другими, но так бы я только быстрее устал.

Когда мы заканчиваем подготовительную работу, я убираю карты в карман, и вместе с остальными принимаюсь обтёсывать брёвна. У нас всего три ножа, да один длинный кинжал с широким закруглённым концом, как у мачете. Поэтому мы работаем по очереди, сменяя друг друга.

Лианы, которые заменили нам верёвки, мы также решаем срезать вручную, не прибегая к помощи магии.

– Ножом оно привычнее, да и для вас безопасней, – таков аргумент капитана.

За время наших трудов я смог поближе познакомиться с командой «Прекрасной девы».

Джошуа высок и статен, единственный из гребцов, кому

посчастливилось пережить вчерашний день. Общительный и открытый, он может запросто стать душой любой компании. Шутки у него лёгкие, но не лишены особой изюминки, а темы для разговора он подбирает весьма необычные. От особенностей приправ к мясу, до обсуждения подноготной актёров единственного в Обозримых Землях бродячего цирка.

Фрим невысок роста, а если говорить о его внешности, то первое, что бросается в глаза – это его живот, имеющий внушительные объёмы. Но комплекция никак не мешает парню быть едва ли не самым бойким в команде Грэга. Он немногословен, но очень приветлив.

Гемм кажется мне личностью ничем не примечательной. Глаз не цепляется за его внешность, а характер не оставляет памяти о себе. Тихий, скромный, немногословный, тем не менее он располагает к себе, не вызывая при этом к своей персоне ни симпатии, ни антипатии.

Лойд – юноша высокий и долговязый. Он самый молодой член экипажа «Прекрасной девы». И самый ворчливый. Даже когда он улыбается, в его глазах читается недовольство. При этом совершенно неясно, что является причиной этого недовольства.. Общается парень охотно, но первым разговор не начинает, а только участвует в беседах других.

И, наконец, Бренан. Если в двух словах, то это удивительный человек. В этом невысоком, но коренастом мужчине лет сорока каким-то образом гармонично сочетаются такие разные качества, как щедрость и жадность. Этот в целом добро-

душный человек может поделиться с нищим последней монетой, но когда речь заходит о еде или выпивке, он готов убить любого, кто посягнёт на его собственность.

В такой разносторонней компании работа спорится. Поваленные деревья превращаются в обтёсанные брёвна, а прочные лианы связывают их в единую и цельную конструкцию.

– Я не мог не заметить, что вы не только не потеряли свои карты, но те даже не промокли, побывав в море, – говорит Грэг, когда плот почти готов. – А забрать их из ваших рук и вовсе оказалось невозможно. Мы хотели положить их в ваши плащи, чтобы вы их не выронили ненароком, но не тут то было! Ваши пальцы были словно из камня сделаны. Мёртвой хваткой Игрок держит свою колоду, иначе и не скажешь.

– Вы недалеки от истины, Грэг, – отвечаю я. – Игрок не может лишиться колоды, чтобы с ним не происходило до самой своей смерти. А самим картам нельзя повредить ни сталью, ни магией.

Когда мы завершаем основу плота, то принимаемся за парус. Признаться честно, то я понятия не имею, каким образом можно сделать что-то подобное, застряв на необитаемом острове.

А вот Грэг и его люди проблемы в этом не видят. Каждый из них жертвует часть своей одежды для создания паруса. Из твёрдого корня неизвестного мне растения Гэмм вырезает иглу, а из странного дерева с волокнистой корой получают достаточно крепкие нити. Я не умею шить, и потому просто

жду в сторонке, наблюдая за работой моряков.

Вскоре мы укрепляем мачту на нашем плоту, и на ней гордо красуется самый необычный парус, какой мне доводилось видеть!

Я отправляюсь будить Кристину. Когда та открывает глаза и видит меня, то немедленно вскакивает на ноги и бросается мне на шею. Девушка обнимает меня, крепко прижав к себе.

Я не отстраняюсь, ведь разделяю те же чувства. Радость и облегчение.

Теперь вся команда в сборе. Мы спускаем плот на воду и вместе взбираемся на него. Призванный мной с помощью магии колдовских карт ветер подхватывает наше плавучее средство, и, раздувая парус, толкает его на восток.

Необитаемый остров, кракен, обломки «Прекрасной девы» – всё это остаётся позади.

Глава 8

Моё первое (и надеюсь, последнее) морское путешествие подходит к концу. Почти целый день наша группа движется на восток. Мы с Кристиной подменяем друг друга, поддерживая магический ветер, толкающий наш плот вперёд.

Когда же мы оба выбиваемся из сил, то наше суденышко мирно покачивается на волнах, а парус, сшитый из различной одежды, безжизненно повисает на мачте.

На море стоит штиль.

Ближе к вечеру мы замечаем землю, и радости нашей нет предела. Омрачает её лишь то, что берег скалистый; из воды то там, то здесь торчат острые камни, и нам вновь приходится поднимать плот вместе с пассажирами в воздух при помощи левитации.

По словам Грэга, мы очутились южнее намеченной цели, и потому нам приходится несколько часов топтать на север к ближайшему городу. Точнее, к небольшому селению с крошечной пристанью и охраной в пару щуплых копейщиков.

Оказавшись среди людей, мы не остаёмся без внимания. Как выясняется, нас уже не первый день ожидает человек графа.

– Что вас так задержало? – задает напрашивающийся вопрос высокий статный мужчина, облачённый в доспех, и с оружием на поясе.

Он говорит на общепринятом языке Королевства, которым пользуются во всех уголках материка, но с очень сильным акцентом.

– Кракен, – отвечает за нас Грэг.

Судя по тому, какие эмоции отражаются на лице этого человека, он, вероятно, решает, что мы шутим. А шуток он явно не любит. Впрочем, когда он понимает, что мы говорим вполне серьёзно, то просит всё рассказать, не упускаю ни одной детали.

Что мы и делаем, несмотря на усталость, сильный голод, и острое желание лечь прямо на землю и провалиться в сон.

К всеобщему удивлению человек графа, узнав все перипетии нашего путешествия, решительно отстегивает от пояса увесистый кожаный мешок, и вручает его Грэгу. По его словам, внутри достаточно золота, чтобы восполнить потери «доблестного капитана».

Попрощавшись с Грэгом и его командой, мы присоединяемся к новому знакомцу. Хотя, какой же это знакомец, если ты даже его имени не знаешь? Представляться он не захотел, да и наших имён тоже не спрашивал.

Мы – Игроки, а он – человек графа Дедавинского, и наш сопровождающий. На том и порешили. Не произнеся при этом ни слова.

Наш новый спутник наотрез отказывается задерживаться в селении. Вместо этого он вручает нам нехитрую снедь («на один зубок», как выразилась Кристина), и усаживает в ма-

ленькую повозку, запряжённую парой низеньких лошадок. Мы едва в ней умещаемся. Сам же провожатый занимает место на козлах и берёт в руки поводья.

И вот мы сидим в поскрипывающем транспорте, периодически подпрыгивая на кочках просёлочной дороги. Она, эта самая дорога, извивается как серпантин, но при этом уверенно ведёт на восток.

Мы проглатываем вручённую нам еду, едва ли прожёывая хоть кусочек, и смотрим на открывающиеся нашим взорам просторы. Поначалу нам попадают лишь небольшие леса и редкие чащобы, но вскоре им на смену приходят возделанные поля и пашни, на многих из которых сейчас трудятся люди.

Я наблюдаю за их работой и пытаюсь понять, что именно они делают. Но тщетно. В Академии Игр учат многому, но только не сельскому хозяйству.

Чем дальше на восток, тем более обжитыми становятся земли. Мы проезжаем несколько деревень, и даже один небольшой городок. В последнем кипит жизнь, люди снуют по улицам, громко разговаривают. Одни что-то продают, а другие что-то покупают. В этом месте также налажено производство, о чём свидетельствует дым, выходящий из труб местных мастерских.

Мы оставляем оживлённые улицы города позади, и перед нами расстилается, будто зелённое полотно, огромная долина. Здесь смотреть не на что, ландшафт однообразный, де-

ревьев мало, и нет ни одной живой души.

День тем временем клонится к своему окончанию, и мы с Кристиной не замечаем, как засыпаем, привалившись друг к другу. Не знаю, продолжали ли мы путь под звёздным небом, или же останавливались на ночлег, но когда я просыпаюсь утром, то вижу высокие городские стены, которые освещает яркий солнечный диск, уже успевший подняться на достаточную высоту.

– А я уж думала тебя придётся на руках к графу нести, – говорит Кристина, посмеиваясь, не забыв наградить болезненным тычком под рёбра.

Наша повозка минует город, и по узенькой замощённой тропе катится дальше – напрямик к каменному замку.

Я с трепетом гляжу на это архитектурное достояние прошлого. В наше время замки уже никто не строит. Нет нужды окружать своё жилище рвом, огораживать его толстыми стенами, ведь ни у одного из существующих ныне государств или потомственных лордов нет достаточно большой армии, чтобы захватывать города.

Говорят, что раньше все, от простого крестьянина до могучего рыцаря, рвались к власти. Они жаждали её, сражались за неё и умирали по той же причине. Наверное, так и было. Но это в прошлом, а сейчас, в наши дни, власть никому не интересна. Ведь проще встать под чьё-то крыло и получить его защиту, чем самому предоставлять защиту другим.

Замок графа не высок, он не поражает умы своим разма-

хом. Но у меня захватывает дух от одного лишь взгляда на него.

Твердыня заключена в кольцо рва, заполненного водой, под которой, я уверен, непременно обнаружатся ещё и острые колья, врытые в землю. Пересечь ров можно только по широкому подъёмному мосту, который сейчас был опущен.

Внешние стены замка имеют немалую толщину, по их углам располагаются четыре высокие башни с узкими окнами-бойницами, из которых в неприятеля могут посылать стрела за стрелой защитники этого места. Стена, как и замок, имеет форму квадрата.

Замковый двор для своих скромных размеров достаточно широк и просторен. В нём размещается кузница и небольшая, всего на несколько животных, конюшня.

Твердыня сложена из больших каменных блоков пепельно-серого цвета. Некоторые из них пошли небольшими трещинами, но в целом структура замка от этого не пострадала. Постройку венчают высокие шпили, над которыми развеваются графские стяги. Красный шлем, обрамлённый венком из жёлтых цветов, красуется на белоснежном фоне – это, надо полагать, символ графа.

Особый шарм замку придают высокие окна с яркими витражами. Каждый элемент этого стеклянного изящества сверкает на солнце, переливаясь яркими искорками.

Наш провожатый въезжает в замковый двор и останавливается. Мы спрыгиваем с телеги. Человек графа отдаёт нам

по-солдатски честь, и после этого больше не обращает на нас никакого внимания, полностью сосредоточившись на том, чтобы распрячь животных.

Мы пересекаем двор и направляемся непосредственно к замку, у дверей которого нас уже ожидают.

Мужчина, что стоит у дверей, одет в расшитый серебром камзол, поверх которого накинут белоснежный плащ. Я не сомневаюсь, что на плаще изображён тот же шлем с цветочным венком, что и на стяге, а этот человек никто иной, как граф Дедавинский собственной персоны.

Владелец замка высок и худощав. На вид ему можно дать не больше пятидесяти лет. Узкое лицо, прорезанное неглубокими, но ярко выраженными морщинами, обрамлено длинными до плеч русыми волосами, перехваченными на лбу серебряным обручем. Чисто выбритое, оно по-своему красиво – прямой нос, слегка пухлые губы, густые брови, и большие карие глаза, во взгляде которых читаются любопытство и дружелюбие.

– Миледи Кристина. Простите, не знаю вашей фамилии? – местный правитель первым начинает диалог.

Он говорит на языке Королевства, но с едва уловимым акцентом.

– Лаго. Кристина Лаго, – представляется девушка и в соответствии с этикетом протягивает собеседнику руку.

– Очень рад нашему знакомству, – граф наклоняется и целует тыльную сторону её ладони. – Весьма редкая фамилия в

наших краях. Не корите старика за излишнее любопытство, но уж не губернатор ли Южной Окраины приходится вам батюшкой?

– Именно он, – кивает девушка.

– Этот небольшой городок является самой южной точкой Обозримых Земель. Далеко же вы забрались, миледи.

– Я не по своей воле отправилась в подобное путешествие.

– Ах, ну что за бестактность с моей стороны! – с сокрушённым видом граф качает головой. – Я ненароком коснулся неприятной для вас темы, и прошу простить меня за это. Я всегда считал судьбу Игроков настоящей трагедией. Маленьких детей забирают из семьи, увозят за десяток другой земель, после чего заставляют отречься от всех близких людей и принести строгие клятвы. И кого они требует сделать это? Детей! Маленьких детей! Впрочем, наверно, такова цена.

– Цена чего? – спрашивает Кристина, которую затронутая тема всегда беспокоила.

– Магии, – отвечает граф. – Магии, и защиты других. Видите ли, раньше мир был другим. Постоянные войны и распри раздирали на части целые государства. Сосед рубил голову соседям, сын убивал отца ради короны, немытые бородатые варвары грабили беззащитных крестьян и насиловали их жён. Я не стану говорить, что сейчас в мире нет зла. Конечно же, есть! Сердца иных людей черны и полны ненависти. Но зло и алчность нынче не принимают таких мас-

штабов, как раньше. Максимум, с чем можно столкнуться – это шайка разбойников. Нынче даже кочевники, которые ещё сотню лет назад существовали за счёт разбоя, строят города и налаживают торговлю не только со своими непосредственными соседями, но и с дальними землями.

Быть может, дело в том, что на планете попросту не осталось достаточно населения для масштабных войн? Или человечество попросту устало от распрей? И не существой проблемы ночных тварей, то наше время в будущем вполне могли бы назвать эпохой благоденствия...

– Но при чём здесь магия? – спрашивает девушка, потерявшая нить разговора.

– Простите, немного увлёкся, – на лице графа Дедавинского играет лёгкая улыбка. – Так вот, я хотел сказать, что всегда, на протяжении всей истории, были те, кто жертвовал всем, что имел, ради непростого дела. Но если тогда это были рыцари и герои – именно их появления требовали существовавшие в ту эпоху проблемы, в лице, скажем, тёмных властелинов или жестоких тиранов – то сейчас это вы, Игроки. Только вам с вашей магией по силам эффективно противостоять ночным ужасам. Да, вы не выбирали этот путь, но магия сделала этот выбор за вас.

– Разве не в этом заключается главная несправедливость? – вступаю и я в разговор.

– Вне всяких сомнений! Но знаете, как говорят: кто, если не вы?

– Кто-нибудь другой, – отвечает Кристина, скривившись

– Интересная позиция! – смеётся граф. – Но позвольте спросить вас, Кристина, если бы вы имели возможность отказаться от своих карт, буквально в следующий момент скинуть плащ и вернуться к своим родным, вы бы сделали это?

Девушка раскрывает рот, но тут же его закрывает. Ответа не следует.

– Вот видите? Вы колеблетесь! Большая часть вашей натуры хочет отказаться от текущего существования, чтобы вернуться к прежней жизни. Но, правда в том, что вы не можете этого сделать. И дело не в запретах Академии, нет. Просто вы Игрок, а колдовские карты – ваша суть. Это то, кто вы есть, а отказаться от самого себя могут очень немногие.

– Всё равно, не понимаю, зачем запрещать нам видеться с близкими и отречься от них? – настаивает на своём Кристина.

– Чтобы бы у Игрока было меньше сожалений, таково моё мнение. Ваше призвание – защищать других от того, с чем они справиться не в силах. Но скольких бы вы не спасли, скольких не погубили – все они будут для вас на одно лицо. Неважно, много ли в вас сострадания и доброты, с годами все эти люди сольются воедино. Их лица и имена будут стираться из вашей памяти, а однажды настанет день, когда вы и вовсе перестанете их запоминать. Но любимые люди – это наш величайший дар. И самое страшное проклятие. Вы можете сражаться за них, делать всё, что в ваших силах, что-

бы спасти и оберечь их, но в конечном счете сами же их и погубите. Или погибните, стараясь этого не допустить. Это неизбежно, потому что...

– ...Игрок должен сохранять трезвый ум и контролировать свои эмоции каждый раз, когда пробуждает колдовские карты, – заканчиваю я мысль за графа.

– Совершенно верно, – кивает Дедавинский.

Он смотрит на меня с уважением. Кажется, ему пришёлся по душе тот факт, что собеседник понимает ход его мыслей.

– Кстати, я совсем забыл представиться! Виктор Дедавинский, для большинства с приставкой «граф», но наедине, во время личных бесед, можете звать меня Виктором. Поймите меня правильно – я не предлагаю перейти на «ты». Этому препятствует элементарная субординация и общепринятые меры приличия. Именно поэтому при свидетелях для вас я граф. Но во время общения тет-а-тет, не вижу причин для фамильярностей. Вы – Кристина, я – Виктор. А вы? – граф переводит взгляд на меня.

– Саймон Трант, – представляюсь я и крепко пожимаю ладонь, протянутую мне повелителем.

– Саймон, рад знакомству и с вами. Ваша фамилия мне также знакома.

– Я вырос в нескольких лигах от ваших земель.

– На Северной равнине верно? Хороший край, плодородный. Сплошь маленькие деревеньки, населенные добрыми людьми.

Граф замолкает, но лишь на мгновение.

– Итак, перейдём к делам. Я запрашивал у Академии двух Игроков, но получил отказ. Не положено, видите ли, у ректората отдавать сразу двух выпускников в одни руки. В итоге, ко мне направили Кристину. И вот, несмотря на это, я вижу перед собой не одного владельца колдовских карт, а сразу двух.

– У меня нет рекомендаций, и я был освобождён от распределения, – отвечаю я. – Так что я решил составить Кристине компанию. Если вы согласитесь принять меня на службу.

– Считайте, что уже принял, – с улыбкой отвечает Виктор. – Конечно, будут ещё формальности, канцелярия, и прочее. Но решение уже принято. А сейчас позвольте спросить, каково ваше отношение друг другу?

– Саймон мой эмм... коллега, – отвечает за нас обоих Кристина.

– Эмм... коллега? – эхом отзывается граф. – Надо понимать, что ваше «эмм» означает, что вы больше чем просто коллеги?

Мы с девушкой обеспокоено переглядываемся, что, конечно, не остаётся незамеченным.

– Нет, нет, я вовсе не собираюсь разоблачать вас и доносить в Академию! – заверяет Виктор. – Напротив, я рад, что вы привязаны друг к другу. Вам это только поможет на службе. Знаете, я ведь как раз искал пару Игроков, которые бы

могли действовать сообща, готовых подставить друг другу плечо в трудную минуту, как и поступают настоящие друзья. Но как случилось, что двое молодых людей сдружились, несмотря на запрет ректората и страх перед наказанием?

– Последние пять лет мы спали в одной комнате, – говорит Кристина.

Я закатываю глаза и краснею, кажется, от пят до самой макушки. Это точно не та информация, которую нужно было сообщать графу!

– А, понимаю, – отвечает Виктор. Кажется, что подобный ответ не только не смутил или возмутил его, а, напротив, порадовал. – В таких условиях люди зачастую либо привязываются друг к другу, либо между ними возникает общая неприязнь. Скажу честно: я рад, что не случилось второго. И знайте, что всё происходящее в моих землях не покидает их пределов. Конечно, Академия по-прежнему будет следить за тем, как вы пользуетесь колдовскими картами, но пока вы у меня на службе, вы можете не скрывать своих чувств.

– Мы благодарны за тёплые слова, – говорю я, поклонившись.

– А я за вашу будущую службу. Я искренне верю, что у нас с вами впереди долгое и плодотворное сотрудничество. Впрочем, о службе мы ещё успеем поговорить, а сейчас позвольте пригласить вас в моё скромное жилище и лично показать ваши комнаты.

Когда мы входим в высокие окованные железом двери и

оказываемся внутри замка, я понимаю, как сильно лукавил граф, называя свой дом скромным. Изнутри замок больше похож на дорогой особняк, чем на грубое каменное укрепление.

В общем зале пол устилает огромных размеров ковёр с изысканным узором на поверхности. В многочисленных золотых канделябрах горят свечи из красного воска – материала редкого и дорогого. С потолка, подвешенные на длинных цепях, свисают предметы, внешне напоминающие лампадки, что использовались в храмах Богов, несколько из которых ещё можно найти в Обозримых Землях. В этих предметах находятся какие-то травы. Будучи зажжёнными, они выпускают лёгкие струйки едва различимого дыма, благодаря чему по замку распространяется дивный аромат, напоминающий одновременно и свежесть леса, и кисло-сладкий запах фруктов.

На стенах висят гобелены, не такие большие, как ковёр на полу, но не менее красивые на вид, и насколько я могу судить, то выполнены они из того же самого материала. Ещё одним отличием является орнамент – вместо узоров на них красуются изображения охоты, сражений, пышных праздников, и фантастических существ. Гобелены чередуются с картинами в серебряных рамках. На каждой из них запечатлён статный мужчина, и все как один они похожи на Виктора Дедавинского.

– Виктор, вы давно правите этими землями? – спрашивает

Кристина.

– С того самого дня, как скончался мой батюшка, да упокоится его душа с миром! Если быть конкретней, то с двадцати семи лет. Или же вы спрашиваете, как долго властвует мой дом?

– Я получила ответ на свой вопрос, – кивает девушка.

– Вы можете рассказать о своих родичах? В учебниках по истории роду Дедавинскому уделяется всего пару абзацев, – спрашиваю я в свою очередь.

– Интересуетесь историей? Конечно, я с радостью расскажу о том, как наши владения возникли на карте мира! А что касается скудной информации про нас в общедоступных источниках, то могу объяснить это так: ни я, ни мои предки никогда не стремились к известности, а иные личности, к тому же, считают появление нашего рода «неудобным» для истории.

Граф подводит нас к одной из картин, крайней слева, и начинает свой рассказ:

– История нашего дома берёт своё начало с этого человека. Его звали Рикард Дедард, он был придворным стражем королевского престола. Должность почётная, спору нет, но всё же не располагающая к получению особых привилегий. Итак, его жизнь складывалась так же, как и у любого солдата. Серые будни службы, и минимум радостей в жизни. И так уж вышло, что он влюбился в старшую дочь короля, прекрасную Лилию. А та полюбила его. Они стали втайне встречаться,

но как это обычно и бывает, об их связи вскоре узнали.

Не дожидаясь пока эта информация дойдёт до государя, Рикард сам предстал перед его троном. Он объявил о своих чувствах к Лилии, и попросил у правителя её руку и сердце. Король слыл суровым человеком, и многие из присутствующих (а надо сказать, что мой родич сделал заявление в присутствии нескольких сотен подданных короны), полагали, что тут то и оборвётся жизнь дерзкого стража. Но сколь не был грозен правитель, он также безмерно любил свою дочь, и желал ей лишь одного: чтобы она была счастлива. Вот только подобного союзу препятствовал древний королевский закон, по которому наследником правителя становился его старший ребёнок, независимо был ли это мальчик, или же девочка. Таким образом, именно Лилия, а не её пятилетний брат, должна была занять трон после смерти отца.

Король обдумывал просьбу своего стража довольно долго. Присутствующие взирали на суровое лицо своего правителя, затаив дыхание. Что он решит? Бросит наглеца в темницу или прикажет казнить на месте? Но решение оказалось иным. Правитель объявил, что отдаст Лилию в жёны Рикарду только при условии, что тот сможет пройти двадцать два испытания – по одному на каждый год, прожитый его любимой дочерью на этом свете. В противном же случае, проситель лишится головы. И срок на всё был – тридцать дней. Едва умолк голос государя, как страж престола дал своё согласие. Тогда король немедленно объявил условия каждого из

испытаний, и все, кто находился в тронном зале, были тому свидетелями.

Так Рикард начал бороться за свою любовь. Одно за другим он проходил данные ему испытания...

– А что это были за испытания? – спрашивает Кристина, бесцеремонно перебив графа.

– Самые разнообразные, – отвечает Виктор, никак не реагируя на то, что его рассказ прервали. – Одолеть медведя, выследить главаря разбойников, пересечь болото, взобраться на горную вершину без снаряжения. Не знаю, как у Рикарда достало сил и времени, но он выполнил их почти все. Лишь одно, последнее, оказалось ему не по силам. По его условиям мой предок должен был одолеть на турнире действующего чемпиона, который слыл лучшим мечником в королевстве. Страж тоже был неплохим воином, но одолеть чемпиона он всё же не смог. Рикард проиграл, и это значило, что он не выполнил условий, поставленных королём.

На следующий день он предстал перед своим повелителем. Рикард встал на колени и, несмотря на поражение, вновь попросил руки Лилии. К всеобщему изумлению дочь короля вышла вперёд и тоже опустилась на колени перед отцом, объявив при этом, что носит в себе ребёнка Рикарда. Принцесса просила казнить её вместе со стражем, если таково будет решение правителя.

Но и в этот раз король проявил милосердие. Он знал, что никогда не смог бы поднять руку на любимую дочь. Конеч-

но, он мог убить Рикарда, умертвить бастарда, а своевольную дочь запереть в высокой башне. Но не стал. Вместо этого, он приказал Лилии навсегда отречься от прав на престол, что она и сделала. С той минуты девушка больше не была дочерью короля. Лилия Нарвинская – дочь своей матери, покинувшей этот мир сразу после её рождения, стала женой Рикарда Дедарада, разжалованного и лишённого королевского подданства. Им велели покинуть земли Королевства, и никогда не возвращаться.

Помните, я сказал, что появление нашего дома неудобно для истории? Мы как раз подошли к первопричине. После того, как новоявленная пара покинула королевские земли, его правитель, нисколько не таясь, пожаловал им никем не занятые на тот момент восточные земли – те самые, на которых мы с вами сейчас стоим. Это был первый и последний раз, когда король отдавал землю тому, кто был отлучён от короны.

Так родилась новая династия, династия Дедавинских. Лилия и Рикард взяли новую фамилию, ставшую символом их союза. Честно сказать, я всегда считал их поступок глупым, ведь они просто соединили вместе две фамилии. Это ребячество какое-то! Впрочем, они могли сделать это в шутку, а та со временем прижилась, и они решили ничего не менять. Не знаю, да и не вижу я смысла сетовать на решение предков, принятое много лет назад.

Итак, совсем скоро после тех событий на бывшем пустыре

появился первый дом, а затем и первый город. Через семьдесят лет уже новый король – младший брат Лилии окончательно признал род Дедавинских, заключив необычный союз со своим племянником Гареттом, наследником семьи. Геррету был пожалован титул графа, и земли, уже занятые его семьёй. Отныне дом Дедавинских признавался другом короны. Заметьте, что именно другом, а не подданным. Мои родичи не платили налогов королевству, но при этом чтили и уважали его законы. Большинство из них и по сей день соблюдают в моих владениях.

Кстати, чтобы подчеркнуть свою обособленность мои предки даже изобрели свой язык. Мы говорим на нём с самого раннего детства, но лишь в кругу семьи. Вот почему, как вы уже могли заметить, я и все мои люди говорим на языке Королевства с заметным акцентом. Кто-то в большей степени, а кто-то в меньшей.

– Спасибо за рассказ, – говорю я, когда граф замолкает.

– А почему среди портретов нет ни одной женщины? Лилии, например, с которой всё и началось? – спрашивает Кристина.

– Потому что графский титул в нашей семье всегда наследует сын, – поясняет Виктор. – По правде сказать, дочерей то в роду никогда и не было. Уж не знаю, что является тому причиной. Лишь однажды Боги послали Дедавинским девочку. То была моя тётя, точнее, она могла бы ей быть. К несчастью девочка погибла в возрасте семи лет. Бедняжка

упала с лошади и сломала себе шею.

– Соболезную.

– Спасибо, Саймон. Хотя для меня это лишь трагическая история прошлого, ведь это случилось задолго до моего рождения.

– А вы женаты?

– О да, Кристина, я женат! И я люблю свою супругу всем сердцем. Вы и сами с ней познакомитесь за обедом. Кстати, в трапезной на стенах висят картины всех графских жён. Здесь им не нашлось места, потому что встречать гостей у порога – это исключительная привилегия графа, а вот трапезной и кухней по праву владеют женщины. Хотя, должен вам признаться, я и сам очень люблю готовить.

В этот момент к графу подходит человек, одетый как посыльный, и вручает письмо. Виктор тут же ломает печать, и, раскрыв послание, бегло изучает его содержание. Закончив чтение, он сворачивает листок в трубочку и засовывает его за пазуху.

– Очень хорошо, – говорит граф посыльному.

– Ответа не последует? – интересуется тот равнодушным тоном.

– Нет, – отвечает граф. – Я сам отправлюсь ему навстречу. Мужчина кланяется и уходит.

– Что ж, планы мои только что изменились, – говорит Виктор, уже обращаясь к нам. – Я вынужден покинуть замок. Ваши комнаты на втором этаже. Мария, это одна из служа-

нок, отведёт вас. Ваши вещи также уже подняли в комнаты.

– Наши вещи? – удивляется Кристина. – Но у нас с собой не было никаких вещей.

– Разумеется. Но вы же не думали, что вас принудят целый год ходить в одной и той же одежде? Располагайтесь, осмотрите замок. Когда я вернусь, мы с вами ещё побеседуем.

С этими словами граф покидает замок вслед за посыльным.

– Как думаешь, кого это он встречать отправился? – спрашивает меня Кристина.

– Не знаю, – пожимаю я плечами. – Но сдаётся мне, что мы скоро встретимся с этим человеком.

Через пару мгновений рядом с нами появляется пожилая тучная женщина, которая будто бы материализовалась прямо из воздуха. Мария сгибается в низком поклоне, и, резво подхватив нас под руки, тащит нас в известном лишь ей направлении.

Мы не сопротивляемся.

Глава 9

Широкая кровать, застеленная атласным покрывалом, небольшой круглый стол, пара стульев, книжный шкаф, заставленный наполовину, шкаф платевой, высокое зеркало, сундук для хранения вещей, и полный воды металлический ушат для умывания – больше в моей комнате ничего нет. Комнатка небольшая, потому перечисленные предметы заполняют практически всё её пространство.

Наверное, мне грех жаловаться, ведь помещение обставлено со вкусом, а мебель, судя по изысканной резьбе, не из числа дешёвой. Но, как любит говорить Кристина, я в любой ситуации найду повод для недовольства. И сейчас я больше недоволен самим собой, чем комнатой, в которой мне предстоит прожить ближайший год.

Я сомневаюсь, верное ли принял решение.

Правильно ли я поступил, согласившись на предложение Кристины? Стоило ли поступить на службу к графу Дедавинскому, или мне следовало рассмотреть другие варианты? И были ли у меня эти самые варианты?

На последний вопрос я могу ответить уверенно: нет, у меня не было разумной альтернативы. Покинув Академию, я понятия не имел куда податься, кому предложить свои услуги. Двинуться на далёкий юг, или попроситься на службу к кочевникам? Остаться под крылом Королевства, или отпра-

виться на север, чтобы иметь возможность хоть одним глазком увидеть родные земли?

Сомневаюсь, что подобные рассуждения к чему-то приведут. Как и сказал Виктор, мы уже приняты на службу. Следовательно, назад дороги нет.

При знакомстве граф произвёл впечатление хорошего человека. Но помнится Грэг верно подметил, что именно вместе с хорошими людьми мы чаще всего попадаем в передряги. Вот как с Кристиной. Я согласился составить ей компанию, и что в итоге? Меня едва не съел кракен!

С другой стороны, стоит признать: приключение всё-таки выдалось неплохим.

Что лучше – спокойствие и безопасность, или такие вот приключения с риском для жизни? Для меня ответ всегда был очевиден. Конечно же, безопасность! Но теперь моё мнение начинает меняться. Не знаю, к добру это, или к худу. Но то, что служба графу вряд ли будет спокойной и безмятежной, сомневаться не приходится.

По крайней мере, рядом находится близкий сердцу человек. Я ведь уже размышлял над этим, и тогда, как и сейчас, пришёл к выводу, что это без сомнений большой плюс.

Покончив с бесполезными размышлениями, я отправляюсь исследовать замок. Не стану описывать его структуру, скажу лишь, что изнутри он кажется ещё больше. Стены украшают многочисленные гобелены, шкуры животных, и даже их головы. Судя по всему, граф очень любит охоту.

На каждом этаже, несмотря на начало осени, жарко пылает камин. Их расположение вызывает у меня неподдельный интерес. Кажется, что дыму некуда деваться, и он должен выходить прямо внутрь замка. Но воздух в его стенах чист и свеж.

Этот вопрос я задаю Марии, и она объясняет мне, что это лишь видимость. На самом деле дым, как и положено, выводится через каменные трубы в открытое небо.

Я отмечаю для себя, что все комнаты в замке не велики размером. Но при этом их так много! Больше десятка жилых помещений, две кухни, столовая, общий зал, кабинет Виктора, пара уборных, а также выложенная белым мрамором купальня. Узнав о существовании последней, я не упускаю возможности тут же ей воспользоваться. Я с удовольствием погружаюсь в тёплую воду, смывая с тела дорожную пыль.

После, завернувшись в предложенное мне замковой прислугой полотенце, возвращаюсь в свою комнату. В шкафу обнаруживаю множество всевозможной одежды, от ночных рубаш до шикарных костюмов, в каких не стыдно явиться и на светский приём к самому королю. Я выбираю тот, что выглядит, на мой взгляд, не слишком броско. Чёрная ткань контрастирует с красными пуговицами и завязками. Он выглядит строго, но прилично.

Костюм сидит на мне идеально, словно сшит на заказ. Интересно, как граф узнал мой размер? Может и он по-своему волшебник?

В сундуке я нахожу множество самых разных вещей. Здесь есть гигиенические принадлежности, вроде гребня для волос и ароматного мыла, есть и всевозможные средства для ухода за своей внешностью. Различные мази для волос, лица, кожи рук и ног. На каждой баночке стоит соответствующая надпись, так что не трудно догадаться, какое средство для чего предназначается.

Такое количество косметических средств меня несколько удивляет. Я знаю: в наше время выглядеть, как неотёсанный варвар считается неприличным. Даже суровые кочевники и те имеют опрятный внешний вид. Но столько баночек в моём сундуке – явный перебор. Не думает же граф, что я в действительности буду втирать в себя все эти мази и крема?

Из любопытства я открываю одну из баночек, и по комнате разливается запах каких-то трав. Что ж, по крайней мере, пахнет не так уж плохо.

Кроме внушительного набора косметически в сундуке есть ещё много чего полезного. Свечи, пара масляных ламп, моток верёвки, походной заплечный мешок, с десятков иголок разных размеров, нитки (надеюсь, граф не заставит меня вышивать крестиком), и многое другое.

Вскоре в мою дверь раздаётся стук. Открыв её, обнаруживаю на пороге Марию. Женщина приглашает меня спуститься в столовую, дабы отобедать вместе с графом в качестве почётного гостя.

– Уже иду, – отвечаю я. – Только позову Кристину.

– Миледи уже за столом, – отвечает Мария. – Идёмте, милорд. Я вас провожу.

Я следую за служанкой на первый этаж, где в большой столовой за длинным столом собралось уже немало гостей.

Оказавшись внутри, я невольно застываю на месте, отыскав взглядом подругу. Такой знакомый образ вдруг предстаёт в совершенно новом свете, и эта неожиданная перемена затмевает мой разум подобно дурману.

Кристина выглядит просто потрясающе! На ней серебристого цвета платье, пышные изгибы которого придают её фигуре воздушную лёгкость. На ушах девушки красуются маленькие элегантные серёжки с белыми жемчужинами в витиеватой оправе, а обычно торчащие во все стороны жёсткие серые волосы расчесаны и аккуратно уложены на бок.

Девушка замечает меня, и её лицо озаряется улыбкой

Граф тоже видит меня и жестом приглашает за стол. Я прохожу к одному из свободных стульев и сажусь рядом с Кристиной.

– Ты выглядишь просто... – говорю я, наклонившись к ней, в пол голоса, но фразу так и не заканчиваю.

Мне не удаётся подобрать подходящего слова.

– Спасибо, – отвечает девушка.

– Но я же не договорил, – отрываюсь я, слегка смутившись.

– И не надо. За тебя всё сказал твой взгляд, – Кристина подмигивает мне.

– Что ж, теперь, когда все в сборе, – говорит граф, поднявшись со своего места, – позвольте мне представить вас, мои дорогие гости, друг другу.

После этого следует довольно долгое представление всех присутствующих. Когда очередь доходит до того или иного гостя, тот встаёт и приветствует всех остальных лёгким, но почтительным поклоном.

Меня всегда удивляли многочисленные правила этикета. Почему, например, во время знакомства необходимо вставать и кланяться? Неужели, если познакомиться сидя, то никак не удастся наладить дружеских отношений? Дело в хороших манерах, или также в уважении? Но своё уважение или симпатию можно выразить иначе, совершенно другими способами. И в то же время можно люто ненавидеть человека, презирать его, но точно также подняться со стула и учтиво склонить голову.

В чем же дело? Быть может, в порядке, отсутствие которого означает хаос, а хаос, в свою очередь, ни к чему хорошему не приводит?

Граф говорит много, речь его неспешна. Про каждого из гостей сказано немало добрых слов. Например, Элра, видный учёный из Королевства не так давно на свои деньги открыла приют для сирот, и это, по словам графа, поступок достойный уважения. Тем более что просвещённый люд обычно не стремится оказывать помощь обездоленным, считая своей первостепенной целью прогресс, а не заботу о других.

При этом граф отмечает, что это ни коем образом не чернит светлые умы Обозримых Земель, а напротив показывает, насколько они преданы своему делу. А Элра тем и выделяется среди коллег, что умудряется совмещать помощь простым людям с работой на благо всего человечества.

Или взять хотя бы Уорона, владельца Салонской библиотеки. Он посвятил свою жизнь восстановлению древних манускриптов и редких фолиантов. Во многом благодаря нему в наши дни эти тексты общедоступны, то есть каждый желающий сможет постичь их тайны.

В целом всех присутствующих объединяла единая страсть – история. Каждый из гостей в той или иной степени пытался обнаружить и овладеть наследием древности, постичь тайны той эпохи, когда миром правили боги, и в нём ещё существовала первозданная магия. Ну а нас с Кристиной объединяет с этими людьми тот факт, что ближайший год мы будем служить под началом одного из них – графа Дедавинского.

К слову сказать, мы тоже достаиваемся лестных слов от Виктора. Кристину он представляет, как самого обворожительного Игрока из тех, кого ему довелось видеть собственными глазами. Девушка при этих словах поклонилась гостям с такой грацией и величием, что я на миг подумал, что предо мной особа королевских кровей. Не будь у неё магического дара, то со временем она, я уверен, стала бы достойным правителем Южной Окраины.

Про меня граф говорит, что я один из самых талантливых

молодых людей, кто покидал стены Академии в последние годы. И что когда-нибудь я смогу превзойти по мастерству самого Люфа.

Я знаю, о ком идёт речь, и поэтому в немалой степени удивлён тем, что меня сравнивают с таким человеком.

Люф – самый известный из ныне живущих Игроков. Вот уже как двадцать лет он странствует по миру и истребляет всех возможных монстров, которые имеют глупость встать у него на пути. Кроме того, он обладатель самой большой колоды, которая, по слухам, насчитывает свыше шестидесяти колдовских карт.

Правда, говорят о нём и кое-что ещё. К примеру то, что он жесток и хладнокровен, нелюдим и озлоблен на весь мир.

– Хорошее сравнение! – шепчет мне на ухо Кристина.

– За время нашего маленького путешествия ты ворчала и выражала недовольство не меньше моего, – парирую я.

Не знаю почему, но её замечание задевает меня.

– Ну, так я девушка, мне простительно, – с лукавой улыбкой заявляет она.

А между тем с обменом любезностей покончено, и граф вновь берёт слово.

– Думаю, что многие из вас знают, по какой причине я собрал всех здесь. Каждый из присутствующих любит историю и стремится сорвать завесы тайн с подробностей прошлого. Сегодня у нас появилась такая возможность! Общеизвестно, что всего в паре лиг к северу от моего замка лежат руины

древнего города. Я всегда полагал, что его история канула в небытие в тот миг, когда его каменные стены рассыпались в крошку. Но совсем недавно моим людям удалось отыскать скрытый вход в катакомбы, пролегающие под землёй. Никто не знает, как далеко они тянутся, но я уверен – именно там, в их глубинах, нужно искать ответы на многие наши вопросы.

Только представьте, какую информацию мы можем там найти! Цивилизации прошлого не только владели магией, но они также подчиняли своей воле технологии. Гномы строили невиданные механизмы, работавшие автономно, а пустынные юга возделывали особо засушливые области при помощи сложных оросительных систем. Но после падения старого мира, рухнул и технологический прогресс. Рассудите сами, мы зовём свой мир Обозримыми Землями просто потому, что наших познаний в судостроении и навигации недостаёт для того, чтобы пересечь океаны, окружающие нас со всех сторон. Мы понятия не имеем, что находится там, за обширной водной гладью. Нам есть чему поучиться у тех, кто населял мир до нас, и сейчас нам представился такой шанс!

Речь графа встречают восторженными возгласами. Каждый наперебой предлагает свои услуги по изучению подземного города. Одни могут переводить тексты с эльфийского и гномьего языков, другие расшифровать самые запутанные схемы, а третьи сведущи в обычаях и особенностях культуры павших цивилизаций. И так далее.

Во время этого разговора становится ясно, зачем Виктору

понадобился Игрок. Точнее два Игрока. Где есть подземелья, там есть и темнота. А в ней обитают порождения ночи. Кроме того, катакомбы могут быть обширны, а их ходы запутаны, точно лабиринт. Отправь Виктор под землю добрый десяток человек с колдовскими картами, это бы не в коей мере не было расточительством с его стороны.

Через пару минут прислуга приносит первые блюда, и разговоры тут же стихают. Нет, за столом вовсе не устанавливается тишина, прерываемая лишь звуком пережёвываемой пищи. Но беседа, до сего момента бурная и оживлённая, становится неспешной и чинной. Гости всё больше уходят от ещё недавно поднятой темы. Пирующие интересуются благополучием своих собеседников, их привычками и интересами.

За первыми блюдами следуют вторые, за ними закуски, а те в свой черёд сменяются десертом. Стол ломится от количества и разнообразия яств. Я стремлюсь попробовать всё, что только могу, но, кажется, мой желудок против таких амбициозных планов. Ко времени десерта я наедаюсь так, что едва умещаюсь в своём новом костюме.

Гости вести неспешную беседу, разбившись на пары и отдельные группы. Я неожиданно для себя тоже позволяю вовлечь себя в дискуссию. Мой сосед, занимающий место за столом по левую руку от меня, поднимает тему магии и божественности.

– Я историк, – говорит Ирвин (так его зовут), – и я при-

вык полагаться на факты прошлого. Но что же боги? Единственный факт, говорящий в их пользу – это то, что они существовали. Но, чёрт, сколько же неясных моментов связано с их уходом!

– Что вы имеете в виду? – спрашиваю я.

– Ну, сами посудите. Во-первых, почему они покинули нас?

– Разве не говорят, что их пути непостижимы? Может, люди перестали им поклоняться?

– Нет, как раз наоборот: всё указывает на то, что поклонялись им повсеместно. Да, отдельные неверующие, атеисты, могли иметь место. Но подобная причина смешна до неприличия. Боги же были могущественны! В конце концов, они могли просто уничтожить недовольных. Нет, здесь что-то совершенно другое. Вот вы, милорд Саймон, что вы знаете о богах?

– Только то, чему нас учили в Академии. Числом их было шесть, четыре бога – Эл, Ка, Рэ, Ли, и две богини – Ун и Аз. Они правили миром и повелевали жизнью смертных.

– И на этом всё, верно? Вот вам, милорд, и вторая странность! Если богам поклонялись повсеместно, на что, как я уже говорил, указывает история, то почему же тогда о них известно так мало? В их храмах, точнее в том их ничтожном подобии, что сохранились до наших дней, даже не сохранилось их чёткого образа!

– Считается, что они выглядят, как люди.

– Вот именно, что только считается! Но мы то с вами их не видели, верно? Я полагаю, что недостаток информации напрямую связан с причиной их ухода.

– Хотите сказать, что боги, покидая мир, заметали следы?

– Очень грубая формулировка, но в целом да, таково моё мнение. Кроме того, им ведь зачем-то понадобилось уничтожить магию. Опять же, причина такого поступка нам неизвестна.

– Им не достало сил уничтожить всю магию. Остались колдовские карты.

– Вы заблуждаетесь, милорд! Когда миром правила магия, то не существовало никаких карт. Они появились уже после ухода богов. Очень даже может быть, что именно они и создали первые колоды.

– И вы считаете, что это тоже связано с причиной их ухода?

– Несомненно. Всемогущие ушли по какой-то причине, уничтожив при этом магию, и оставив людям вместо неё колдовские карты. И при этом до наших дней дошли лишь разрозненные крупицы информации обо всех этих событиях. Таких совпадений не бывает! И я уверен, что в один прекрасный день боги вернуться. Хотя может статься, что день этот станет скорее трагическим.

– Разве есть предпосылки к их возвращению?

– Они были всегда. Просто их никто не замечает! Вы ведь знаете об Иллюстраторах?

– Люди, способные изготавливать колдовские карты, – киваю я.

– Да, и на этом знания об их персонах исчерпываются, не так ли? Даже вы, будучи Игроком, не знаете их имён.

– Да, но какое они имеют отношение к богам?

– Самое прямое. Вам известно, милорд, как именно Иллюстраторы рисуют карты?

– Они впадают в транс...

– Они впадают в транс! Да, всё верно! А что, если в этот самый момент ими руководят боги? Что если иллюстраторы выступают в качестве инструмента в руках всемогущих владык? Конечно, это лишь моя теория, но всё же.

– Но тогда, получается, что боги по-прежнему имеют связь с этим миром.

– И влияют на ход событий. Более, или менее. Но, как я и сказал, это лишь теория. Увы, на данный момент нет никакой возможности подтвердить или опровергнуть её.

К концу трапезы в зале появляется ещё один гость. Его совершенно лысый череп прорезают глубокие морщины, а лицо, заросшее щетиной, выглядит неопрятно. Под глазами виднеются распухшие синяки. На нём черный кожаный плащ Игрока.

Новоприбывший молча подходит к столу, набирает еду в охапку (к этому моменту остаются лишь десерты) и удаляется точно так же, как и появился – не проронив ни слова.

– Это тот о ком я думаю? – спрашивает один из гостей, ни к кому конкретно не обращаясь.

– Да, это Люф, – отвечает граф, тяжело вздохнув.

– Ему бы не помешало поучиться манерам у своих куда более юных коллег, – говорит мой недавний собеседник Ирвин.

Я смотрю вслед человеку, спина которого уже скрылась за закрытыми дверьми. Люф может выглядеть как угодно и вести себя на любой манер, но ничто не может изменить его сущности. Не знаю, почувствовала ли что-то подобное Кристина, но от знаменитого Игрока буквально за версту исходит характерный «запах» магии. Он и его колдовские карты являют единое целое.

Присутствие Люфа не оставляет вопросов. Он тоже прибыл сюда исследовать катакомбы, а это значит, что совсем скоро нам с Кристиной выпадет шанс сразиться бок о бок с сильнейшим Игроком современности.

Моё сердце начинает учащённо биться, но я не могу понять, какие из чувств тому причина – восторг и предвкушение грядущего, захватившие дух в первые мгновения, или же леденящий кровь ужас, нахлынувший следом.

Глава 10

Я беру в руки перо, макаю его в чернила, и вывожу несколько символов на листе бумаге. Теперь на нём красуется моя подпись. Затем возвращаю документ низенькому шуплому старичку, а тот взамен протягивает мне следующий лист. Принимаю его и подписываю, даже не прочитав.

Как бы беспечно не выглядело подобное действие, во мне живёт непоколебимая уверенность в том, что ничего страшного быть в этих бумажках не может. Чего я могу лишиться, оставив подпись не там где нужно? У меня нет имущества, нет и денег, кроме тех, которые мне будет платить граф. Читать же текст, растянутый на нескольких страниц, я не хочу. И не стану.

Я подписал уже с десяток документов, но, судя по стопке, которая лежит рядом с работником канцелярии, мне предстоит оставить свою подпись ещё примерно на стольких же.

Кто бы мог подумать, что поступление на службу к графу повлечёт за собой столько бумажной волокиты! Так вот, значит, как в наше время функционирует законодательная система? Чтобы выполнять чьи-то приказы, тебе для начала нужно расписаться десяток раз. Неужели без этого никак не обойтись? Ведь были времена, когда для служения достаточно было преклонить колени и принести клятву. Какой толк во всех этих документах, если указанные в них предписания

человек может нарушить точно так же, как и принесенную клятву?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.